

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Мой дѣдъ П. П. Бибиковъ. — Наша родня и знакомые. — Графъ А. А. Закревскій. — Чаадаевъ и его заступничество за Болеслава Маркевича. — Князь Д. В. Голицынъ. — Д. Г. Бибиковъ. — Его характеристика. — Анекдотъ о князѣ М. И. Кутузовѣ. — Рѣчь Бибикова кievскому дворянству. — Объясненіе Бибикова съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. — Портретъ князя Я. Ѳ. Долгорукаго. — Увольненіе Бибикова отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. — Анекдоты о немъ. — Разсказъ объ императорѣ Александрѣ I. — Декабристы Цебриковъ, Лореръ и Загорѣцкій. — Князь В. М. Голицынъ. — Разсказъ объ императорѣ Павлѣ I. — Полковникъ Сокоревъ. — Л. Д. Измайловъ. — Анекдоты о немъ.

ВНАЧАЛЪ себя помнитъ очень рано. Отецъ мой скончался въ годъ моего рожденія, въ 1844 году; матушка, оставшись вдовою, постоянно держала меня, единственнаго сына, при себѣ. Живя въ Москвѣ, она выѣзжала много въ свѣтъ; я помню массу лицъ, у нея бывавшихъ и у которыхъ мы были. Я могу сказать мы, потому что матушка, дѣлая визиты или посѣщая знакомыхъ, часто брала меня съ собою. Родни и знакомыхъ было много, очень много.

Матушка моя, рожденная Бибикова, была родною племянницей, игравшихъ столь видную роль при императорѣ Николаѣ I, Дмитрія Гавриловича Бибикова, кievскаго генераль-губернатора, а впоследствии министра внутреннихъ дѣлъ, и Ильи Гавриловича Бибикова, виленскаго генераль-губернатора. Вся огромная семья Бибиковыхъ, а также князя М. И. Кутузова, который былъ женатъ на Екатеринѣ Ильиничнѣ Бибиковой, были намъ близки; кромѣ

того, родня отца, родъ князей Оболенскихъ, тоже могъ похвастаться многочисленностью.

Такимъ образомъ, въ знакомыхъ и родныхъ недостатка не было. А Москва конца сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ была наполнена барами, которые жили широко и роскошно,—не то, что теперь, когда «бѣлокаменная» сдѣлалась чисто коммерческимъ и промышленнымъ центромъ и когда купеческій элементъ вытѣсняетъ дворянскій.

Моя бабушка, Софья Гавриловна Бибикова (замужемъ за Иваномъ Петровичемъ Бибиковымъ), была высокообразованная и умная женщина. Старшая въ семьѣ, она прекрасно воспитала своихъ младшихъ братьевъ: Дмитрія, Илью, Павла, Гавріила и Александра Гавриловичей; поэтому они съ особеннымъ уваженіемъ относились къ ней, и у бабушки я видѣлъ всю нашу высокопоставленную родню.

Отъ бабушки и отъ дѣдушки я наслушался много разсказовъ про Отечественную войну и про времена Екатерины II, Павла и Александра I. Я ужасно любилъ разсказы про старину и часто приставалъ о томъ къ дѣдушкѣ. А словоохотливый дѣдушка, Иванъ Петровичъ Бибиковъ, страстный и знаменитый въ свое время охотникъ, псовый и ружейный, дѣлавшій кампаніи 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, разсказывалъ мнѣ, мальчику, массу анекдотовъ и случаевъ, изъ которыхъ многіе сохранились въ моей памяти, а многіе, увы, изгладились.

Дѣдушка простудился на охотѣ, когда въ сороковыхъ годахъ шелъ, ровняясь полями, изъ своего Данковского имѣнія, с. Сергіевскаго, въ наше, с. Маклецъ, Богородицкаго уѣзда, гдѣ жила моя мать, и я провелъ дѣтство свое. Выйдя изъ Епифани въ прекрасный октябрьскій день, похожій на лѣтній, онъ съ своими охотниками и собаками разровнялся по такъ называемой графской степи (графовъ Бобринскихъ). День былъ чудный, по его словамъ, было просто жарко. Щегольская охота въ красныхъ кунтушахъ красиво ровнялась и травила направо и налево отъ него... Самъ онъ ѣхалъ въ легкомъ, лѣтнемъ платьѣ. Вдругъ внезапно пошелъ дождь; не прошло и часу, какъ дождь превратился въ снѣгъ, сдѣлался холодъ, и въ самое короткое время у всѣхъ ѣхавшихъ образовалась на платьѣ ледяная кора. Дѣдушка страшно простудился, его еле довели до Маклеца, онъ слегъ, и послѣ этого здоровье его никогда болѣе не поправлялось. Онъ цѣлыми мѣсяцами не выходилъ изъ халата, сидя у окна; его любимымъ занятіемъ были разговоры про охоту и про былое время. Зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ, Данковского уѣзда, доживалъ онъ свой вѣкъ, почти не выходя изъ комнаты; онъ и ходилъ съ трудомъ.

Меня часто возили къ дѣдушкѣ, а иногда мать моя проводила по нѣсколько дней у своихъ родныхъ. Тогда, по утрамъ, я бѣгалъ

къ дѣду и слушалъ его разговоръ, обращенный иногда ко мнѣ, иногда къ кому нибудь изъ постороннихъ, такъ какъ всегда кто нибудь бывалъ у него въ гостяхъ. Я еще потому многое запомнилъ, что, какъ и всѣ старики, дѣдушка повторялся, и мнѣ приходилось одинъ и тотъ же рассказъ слышать по нѣскольکو разъ. Я многое запоминалъ, а если не все понималъ, то, запомнивъ, я послѣ, сдѣлавшись взрослымъ, сталъ вполнѣ понимать ту или другую личность, тотъ или другой фактъ, освѣщенный рассказами дѣда, бабушки или ихъ гостей, въ которыхъ недостатка не было.

Огромная родня Бибиковыхъ большею частью жила въ Петербургѣ, а въ Москвѣ только нѣкоторые, именно: сестры бабушки, Марья Гавриловна Дюклу (ея дочь была за А. Ѳ. Ладыженскимъ), Вѣра Гавриловна Хрущова (ея сынъ, Дмитрій Петровичъ Хрущовъ, былъ товарищъ министра, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сошелъ съ ума) и Варвара Гавриловна Муромцева. Мужъ послѣдней, Матвѣй Матвѣевичъ Муромцевъ, былъ герой Кульма, когда-то адъютантъ Ермолова, а послѣ градоначальникъ Таганрога; отъ него тоже слышалъ много я интереснаго (самъ дѣдушка былъ адъютантомъ Тормасова, впослѣдствіи графа и генераль-губернатора Москвы). Зато родня отца, князя Оболенскіе, жили въ Москвѣ. У старѣйшаго тогда въ Москвѣ князя Александра Петровича Оболенскаго, на Солянкѣ, по воскресеньямъ, собирались князя Оболенскіе, и меня ребенкомъ возили туда на поклонъ. Дядя моего отца (мнѣ дѣдъ), князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, былъ декабристомъ; вслѣдствіе этого многіе декабристы, ранѣе вернушіеся изъ ссылки, благоволили ко мнѣ, ребенку, ибо князь Евгенийъ Оболенскій пользовался между ними большимъ уваженіемъ и любовью, а, видя меня при немъ, старики относились и ко мнѣ очень симпатично. Князь Евгенийъ пробылъ въ Сибири тридцать лѣтъ. Я впервые увидалъ его только въ 1857 году, когда онъ вернулся изъ ссылки послѣ коронаціи императора Александра II, въ силу манифеста. Онъ былъ въ перепискѣ съ моею матерью, и мнѣ памятли эти письма, даже по формѣ ихъ. Они шли очень долго и сперва прочитывались въ III Отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, гдѣ зачеркивалась надпись, которую всякій политическій ссыльный того времени обязанъ былъ дѣлать на конвертѣ: «отъ государственнаго преступника такого-то». Надпись эту, хотя и зачеркнутую, можно было видѣть насквозь.

Зимы мы проводили въ Москвѣ, какъ только я себя сталъ помнить. Матужка принимала тогда у себя, могу сказать, цвѣтъ тогдашней интеллигенціи. Лѣто же мы проводили въ Тульской губерніи, которая въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ была передовая по обществу помѣщиковъ; я сужу, по крайней мѣрѣ, по нашимъ сосѣдямъ. Въ числѣ ихъ были и декабристы, возвращенные изъ Сибири и жившіе въ своихъ имѣніяхъ, не имѣя права вѣзда

въ Москву и Петербургъ. Видалъ я ихъ часто и отъ нихъ слышалъ многія подробности о 14-мъ декабря 1825 года, не попавшія въ печать. Чаще другихъ видѣли мы: князя Валеріана Михайловича Голицына, женатаго на княгинѣ Ухтомской, Михаила Михайловича Нарышкина съ женою, урожденною графинею Коновничиною, Лорера, который служилъ въ польскихъ войскахъ во времена Александра I и обучалъ ихъ, въ качествѣ русскаго офицера, пофранцузски, такъ какъ русскій языкъ въ польскихъ войскахъ не допускался. Еще жилъ недалеко старикъ Николай Романовичъ Цебриковъ; онъ вернулся, ничего не имѣя, и управлялъ имѣніями моего дяди, И. А. Раевского.

Разказы, общество людей, изъ которыхъ всякій имѣлъ въ тотъ крутой вѣкъ значеніе своего собственнаго «я», не могли не имѣть на меня, хотя еще и ребенка, сильнаго вліянія. Какъ ни незначительны факты, коихъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, какъ ни мелки слышанные мною разказы, тѣмъ не менѣе для характеристики нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей, для характеристики времени, они могутъ быть интересны; особенно въ Россіи, гдѣ не было ни политической жизни, ни свободы печати, анекдотъ—явленіе болѣе серьезное, чѣмъ въ другихъ краяхъ. По анекдоту приходится судить не только людей, ихъ характеръ и дѣятельность, но и цѣлую эпоху. Вотъ почему я рѣшился набросать на бумагу свои воспоминанія.

Выше я сказалъ, что мать моя, живя въ Москвѣ, принимала у себя цвѣтъ тогдашней интеллигенціи, и не только московской, но и петербургской, такъ какъ многіе у насъ бывали проездомъ. Въ гостиной у нея я съ дѣтства привыкъ видѣть и уважать князей Владиміра, Евгенія, Константина Черкасскихъ, В. П. Боткина, братьевъ Раевскихъ (одинъ изъ нихъ, Иванъ Артемьевичъ, былъ женатъ на сестрѣ моей матери, Екатеринѣ Ивановнѣ Бибиковой), Орловыхъ, графовъ Льва и С. Толстыхъ, Васильчиковыхъ, гр. Апраксиныхъ, гр. Бобринскихъ, многихъ литераторовъ и др. Выѣзжая въ свѣтъ, матушка выдерживала иногда и нападки за пріемъ у себя литераторовъ. Какъ теперь помню, одинъ великосвѣтскій господинъ, встрѣтивъ выходившаго В. П. Боткина, спросилъ у матушки: «Что, вы у него чай покупаете?» (Боткинъ торговалъ чаемъ),—на что матушка отвѣчала: «Нѣтъ, подаю ему чай».

Мы жили сперва у моего крестнаго отца, московскаго губернатора Н. А. Небольсина, домъ котораго—на Садовой, въ приходѣ Ермолая, впослѣдствіи Цербатовой, отданъ нынѣ подъ больницу. Дочь Небольсина вышла замужъ за моего дядю, А. И. Бибикова, брата моей матери, а другая—за графа И. А. Апраксина.

Въ выборѣ своихъ знакомыхъ матушка была очень осторожна; такъ, напримѣръ, она никогда не хотѣла посѣщать домъ тогдашняго генералъ-губернатора гр. Закревскаго, благодаря его супругѣ

и дочери. Не смотря на всяческія приставанія, матушка осталась при своемъ: не знакомилась и никогда не бывала у Закревскихъ (я лишь впоследствии понялъ и вполне оцѣнилъ это). Какъ-то дворъ былъ въ Москвѣ; гр. Закревскій давалъ чудный, костюмированный балъ. Были костюмы, по парѣ, кавалеръ и дама, отъ каждой изъ русскихъ губерній, и мальчикъ несъ впереди каждой пары гербъ той губерніи. Какъ ни просили, матушка сама не поѣхала и меня не пустила нести гербъ какой-то губерніи. Репутація домашняго очага гр. Закревскаго была самая печальная, и старая бабушка, Софья Гавриловна, вполне поддерживала взгляды матушки, не желая, чтобы дочь ѣздила къ Закревскимъ. Дѣдъ, Ив. П. Биби-ковъ, терпѣть не могъ Закревскаго и всегда говаривалъ про него: «Какой онъ графъ — онъ изъ сдаточныхъ!». Я помню отзвы и Дм. Гав. Бибикова: онъ тоже не любилъ гр. Закревскаго, какъ администратора. Уже впоследствии, когда я въ 1870-хъ годахъ жилъ въ Петербургѣ, въ домѣ Дмитрія Гавриловича, онъ высказывалъ, что, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, рѣдко уважалъ представленія гр. Закревскаго; но что многое дѣлалось помимо его, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ, напротивъ, любилъ Закревскаго: у послѣдняго были даже бланки государя императора.

Закревскій часто, распекая, пугалъ тѣмъ, что у него есть бланки, что онъ можетъ и то, и то... Грубый и холодный съ виду, Закревскій былъ, однакожъ, доступенъ иногда добродушному чувству. И кто бы могъ думать, что извѣстный Чаадаевъ имѣлъ вліяніе на гр. Закревскаго, то-есть могъ иногда выпросить у него льготу тому или другому лицу, особенно невинно пострадавшему человѣку отъ графскаго гнѣва. Вотъ что случилось однажды. При гр. Закревскомъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій, впоследствии довольно извѣстный писатель, Болеславъ Маркевичъ. Въ концѣ же 1840-хъ годовъ онъ былъ самымъ моднымъ въ Москвѣ кавалеромъ. Прекрасный танцоръ, элегантный кавалеръ, талантливый актеръ, онъ создалъ можно сказать, въ Москвѣ роль Чацкаго, играя въ комедіи «Горе отъ ума» на столько хорошо, что императоръ Николай I похвалилъ его прекрасную игру... Какъ-то Маркевичъ въ чемъ-то проштрафился, провинился передъ Закревскимъ, который раскричался на него и велѣлъ въ 24 часа убираться не только со службы, но и изъ Москвы. Никакія заступничества дамъ и даже домашнихъ Закревскаго не помогали. Графъ былъ неумолимъ и запретилъ говорить себѣ о Маркевичѣ. И вотъ утромъ на другой день, столь печальный для Маркевича, пріѣзжаетъ къ Закревскому, какъ всегда запросто, Чаадаевъ. Уже при входѣ въ кабинетъ Чаадаева Закревскій встрѣтилъ его словами:

— Знаю, знаю, пріѣхали просить за Маркевича. Напрасный трудъ — и не говорите, впередъ отказываю!

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ Чаадаевъ:—я пріѣхалъ рассказать вамъ анекдотъ, со мною когда-то случившійся въ Кіевѣ.

— Тогда очень радъ, садитесь!

— Это было давно, очень давно,—началъ Чаадаевъ,—когда еще въ Кіевѣ былъ главнокомандующій фельдмаршалъ гр. Каменскій. Я былъ къ нему тоже вхожъ, какъ и къ вамъ, графъ; заѣзжаю разъ къ нему утромъ, точь-въ-точь какъ сегодня къ вамъ, и застаю Каменскаго внѣ себя отъ гнѣва и не узнаю его—рветъ и мечетъ, кричитъ, изъ себя выходитъ: разстрѣляю, разжалую! Что случилось?—спрашиваю.—Да адъютантъ мой,—кричитъ Каменскій,—чортъ знаетъ что надѣлалъ, напроказничалъ, ну, и рассказываетъ цѣлую мнѣ исторію, въ самомъ дѣлѣ некрасивую, и при этомъ пересыпаетъ рассказъ бранью и крикомъ: выгону, подъ судъ упеку и т. д., ну, однимъ словомъ, разсвирѣпѣлъ. Я далъ высказаться, успокоиться, и началъ ему доказывать, что молодость имѣетъ свои права, что адъютантъ человѣкъ молодой, ну, увлекся, а теперь раскался, и довелъ гр. Каменскаго до того, что онъ по моей просьбѣ простилъ своего адъютанта, который въ свою очередь совсѣмъ исправился и сдержалъ обѣщаніе, да вышелъ и служака первостепенный, а въ послѣдствіи даже и дѣятель серьезный. Вы его, вѣроятно, знаете, ваше сіятельство!.. Это—это графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

Закревскій былъ очень пораженъ рассказомъ Чаадаева; да, это былъ онъ, теперь грозный генераль-губернаторъ, когда-то адъютантъ Каменскаго, котораго спасъ когда-то Чаадаевъ отъ гнѣва Каменскаго. Очередь была за нимъ, и онъ простилъ Маркевича, поблагодаривъ за рассказанный Чаадаевымъ анекдотъ.

Вообще Закревскаго въ Москвѣ не любили тѣмъ болѣе, что онъ вступилъ вскорѣ послѣ свѣтлѣйшаго князя Д. В. Голицына, который 24 года былъ главнокомандующимъ Москвы и про котораго ходили рассказы совершенно другаго свойства.

Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, и у него тоже находились бланки государя, которые никогда не были выпущены, за исключеніемъ, говорятъ, одного, и вотъ при какомъ случаѣ. Въ одномъ изъ многочисленныхъ имѣній князя Дмитрія Владиміровича, вѣроятно, безъ его вѣдома, одинъ изъ его управляющихъ затѣялъ тяжбу съ бѣдною сосѣдкою-помѣщицею о какой-то землѣ, которая составляла все достояніе этой помѣщицы. Права ли она была, нѣтъ ли, мы не знаемъ, но она проиграла свое дѣло во всѣхъ инстанціяхъ, начиная съ уѣзднаго суда и кончая общимъ собраніемъ сената. Куда было жаловаться дальше?—одному царю,—а какъ и съ какими средствами ѣхать въ Петербургъ? При такомъ печальномъ положеніи дѣла кто-то посовѣтовалъ помѣщицѣ обратиться прямо къ самому свѣтлѣйшему: такъ

звалъ народъ генераль-губернатора. Какъ же къ нему—кому проигранъ процессъ? Однако, подъ давленіемъ окружающихъ, помѣщица подала князю Дмитрію Владиміровичу докладную записку о своемъ и его дѣлѣ. Князь Дмитрій Владиміровичъ велѣлъ доложить себѣ все дѣло и, когда докладчикъ доложилъ, что онъ, князь, главнокомандующій, ничего не можетъ уже сдѣлать противъ сената, свѣтлѣйшій возразилъ: «А бланки на что?» И вотъ на такомъ-то бланкѣ было написано, что все дѣлопроизводство по такому-то дѣлу подлежитъ прекращенію, то-есть отмѣнѣ, земля возвращается, какъ неправильно отобранная, такой-то помѣщикѣ, а всѣ судебныя издержки возлагаются на князя Д. В. Голицына... Это и былъ единственный бланкъ императора Николая, выпущенный княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Да, были люди въ старину...

Съ интеллигенціею того времени вернувшіеся декабристы имѣли общія черты: они были всѣ болѣе или менѣе идеалистами и высоко-образованными людьми. Но люди сороковыхъ годовъ отличались тѣмъ, что являлись дѣятелями съ будущимъ, тогда какъ декабристы, уже отжившіе люди, не вѣрили даже въ возможность освобожденія крестьянъ. При задуманномъ переворотѣ они мечтали о свободѣ политической, о конституціи, свободѣ печати; но нигдѣ въ ихъ дѣятельности, въ ихъ письмахъ, не проглядывало желаніе освободить отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Одинъ Пестель говорилъ, что эмансипація необходима; но другіе, даже главные вожаки декабристовъ, и не думали объ этомъ, чѣмъ, конечно, не выказали государственной мудрости. Люди же 1840-хъ годовъ, то-есть интеллигентная часть, только и говорили о невозможности продолженія существующихъ отношеній къ крѣпостнымъ.

Бабушка моя въ 1840-хъ годахъ неоднократно повторяла, что «*cet ordre de choses ne peut continuer longtemps*»; она говорила и особенно писала пофранцузски замѣчательно, порусски же писала и говорила рѣдко. Братъ ея, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, помоему, первый, который на поприщѣ освобожденія крестьянъ сдѣлалъ фактическій шагъ, отъ слова перешелъ къ дѣлу: ввелъ въ Юго-Западномъ краѣ инвентари. Этотъ деспотъ, чуть не извергъ, какъ его называлъ Герценъ, на своихъ плечахъ вынесъ въ Юго-Западномъ краѣ инвентарную реформу; а впослѣдствіи, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, ввелъ ее въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ чрезъ Илью Гавриловича Бибикова. Инвентари были первымъ шагомъ къ освобожденію крестьянъ, то-есть установленіемъ и узаконеніемъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Самъ Дмитрій Гавриловичъ рассказывалъ мнѣ многія подробности этого интереснаго времени. Императоръ Николай Павловичъ пламенно желалъ освобожденія; но высшая аристократія была противъ, даже самъ государь-наслѣдникъ. Въ государственномъ со-

вѣтъ, гдѣ проводили инвентарные законы, было нѣсколько серьезныхъ столкновений у Д. Г. Бибикова съ наслѣдникомъ престола. Вслѣдствіе этого Дмитрій Гавриловичъ навлекъ на себя гнѣвъ государя-наслѣдника, почему, тотчасъ по воцареніи императора Александра II, Д. Г. Бибикову пришлось выйти въ отставку.

Когда Ю. О. Самаринъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, куда попалъ за свои письма объ «Окраинахъ Россіи», Д. Г. Бибиковъ пригласилъ его къ себѣ на службу, что тогда было осуждено, такъ какъ Ю. О. Самаринъ считался яко бы краснымъ. На это Дмитрій Гавриловичъ возражалъ, что, у него «всѣ равны и могутъ быть только вѣрноподданными государя своего».

Личность Д. Г. Бибикова такова, что, помоему, на ней слѣдуетъ остановиться подольше. Мнѣ кажется, что она доселѣ еще не оцѣнена по достоинству; многое тяжелое еще не забыто, но, несомнѣнно, исторія воздастъ ему должное. Да позволено мнѣ будетъ сказать о немъ, что я слышалъ и запомнилъ.

Родной племянникъ Александра Ильича Бибикова, укротителя Пугачевского бунта и предсѣдателя знаменитой Екатерининской коммиссіи, Дмитрій Гавриловичъ былъ сынъ Гавріила Ильича, котораго Екатерина II очень любила и, какъ энергическаго человека, уважала. Какъ-то, услыхавъ, что Гавріилъ Ильичъ говорить, что можетъ со своимъ полкомъ поспѣть очень скоро изъ Гатчины въ Петербургъ, императрица рѣзко сказала ему: «Да! но ко мнѣ, а не къ Павлу Петровичу». Какъ видно, императрица никогда не забывала переворота 28-го іюня 1762 года.

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ женатъ на теткѣ Дмитрія Гавриловича—Екатеринѣ Ильинишнѣ Бибиковой, и въ 1812 году Дмитрій Гавриловичъ сдѣлался адъютантомъ Кутузова. Во время Бородинскаго боя онъ рапортовалъ и показывалъ что-то Кутузову, когда ядромъ оторвало ему кисть лѣвой руки.

— Несчастный Бибиковъ!—вскричалъ Кутузовъ.

— Ничего, осталась еще другая послужить отечеству, — отвѣчалъ Дмитрій Гавриловичъ и продолжалъ свое донесеніе.

Князь Кутузовъ прогналъ его на перевязочный пунктъ. Тамъ никто изъ докторовъ не хотѣлъ обратить вниманія на молодаго офицера.

— Мы добрались только до полковниковъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—поѣзжайте въ Можайскъ, тамъ перевязуютъ.

Число раненыхъ, дѣйствительно, было страшно велико; но истекать кровью тоже не хотѣлось. Пришлось пустить въ ходъ протекцію.

— Я адъютантъ и родной племянникъ князя Кутузова,—сказалъ Д. Г. Бибиковъ.

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ его сняли съ лошади...

Съ нимъ сдѣлалось дурно, и онъ уже не помнилъ, какъ ему отрѣзали руку. Онъ очнулся послѣ операціи, по дорогѣ въ Москву, куда и его повезли вслѣдъ за отступающей арміей.

Кстати, отъ другаго дѣда я слышалъ слѣдующее. Въ 1812 году, во время стоянки въ Филяхъ, только что знаменитый совѣтъ рѣшилъ участь Москвы, и князь Кутузовъ сидѣлъ въ раздумьѣ передъ избой, какъ подлетѣла коляска, и изъ нея выскочилъ Ростопчинъ, главнокомандующій Москвы. Онъ настаивалъ на томъ, что необходимо дать сраженіе подъ Москвою, говорилъ о патріотизмѣ войска, о своихъ прокламаціяхъ, о томъ, что онъ съ народомъ поможетъ и проч. Князь Кутузовъ возражалъ кое-что и кончилъ тѣмъ, что разсердился.

— Не могу я драться подъ Москвой: я къ полудню буду безъ войска!

— Какъ это?—удивился Ростопчинъ.

— Да! всѣ по Москвѣ разбредутся. У васъ кабаки и теперь ужъ разбиты: всѣ тамъ будутъ! Раненаго понесутъ четверо, ни одинъ не вернется въ строй.

Затѣмъ Кутузовъ изрекъ свое знаменитое предсказаніе, что Москва Наполеона погубить, засосѣтъ. Такъ и случилось.

Д. Г. Бибиловъ прошелъ всевозможныя степени военного и, главнымъ образомъ, гражданскаго служенія, такъ какъ былъ человѣкомъ безукоризненной честности. Одно время онъ завѣдовалъ всѣми нашими таможами. Но, собственно говоря, его государственная дѣятельность начинается съ генераль-губернаторства въ Кіевѣ, гдѣ его хотя и одна, но желѣзная рука управляла краемъ 14 лѣтъ. На него жаловались, какъ на деспота; но, между тѣмъ, онъ не сдѣлалъ никого несчастнымъ. Онъ казался болѣе страшнымъ, чѣмъ былъ. Въ сущности это былъ гуманный человѣкъ, что и доказали его инвентари, введенные *contre tout et tous*. Онъ видѣлъ людей и слабости ихъ насквозь, а тѣмъ болѣе зналъ польскій характеръ и петербургскія интриги. Уже будучи въ отставкѣ, онъ писалъ своему бывшему правителю канцеляріи, Н. Е. Писареву: «помните время, когда мы съ вами боролись противъ польской крамолы?.. впрочемъ, нѣтъ: противъ Петербурга, гдѣ всегда былъ корень зла», и т. д. И это совершенно вѣрно. Не разъ Дмитрій Гавриловичъ рассказывалъ, какъ ему навязывали то или другое назначеніе, или распоряженіе, прямо вредное, и сколько усилій надо было, чтобы отстоять ту или другую полезную мѣру. Между тѣмъ, сами поляки оцѣнили дѣятельность Д. Г. Бибилова и потомъ жалѣли, что онъ ушелъ. Если бы держались системы Бибилова, не было бы и возстанія, не было бы тѣхъ несчастій, отъ коихъ до сихъ поръ не здоровится и русскимъ и полякамъ.

Твердый, непреклонный, умный исполнитель воли своего государя, Д. Г. Бибиловъ никогда не былъ флюгеромъ. Убѣдившись

разъ въ необходимости реформы, онъ ее настойчиво проводилъ. Его характеръ и система вылились, можно сказать, въ рѣчи, имъ сказанной кievскому дворянству, при открытіи выборовъ, 8-го мая 1851 года. Вотъ она дословно.

«Мм. Гг.! 14 лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу пройти съ вами весь періодъ моего управленія, отъ самаго приѣзда моего, съ 1838 года, до настоящаго времени. Я хочу сдѣлать это, мм. гг., не въ видѣ отчета, ибо генераль-губернаторъ западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только одному, котораго тронъ на сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала и отъ Ахалцыха до Ледовитаго моря, которому повинуются 60 милліоновъ людей. Мы всѣ должны, мм. гг., ежедневно и въ каждую минуту молиться Всемогущему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго великаго государя для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу рассмотреть съ вами мои дѣйствія въ финансовомъ, административномъ, политическомъ и судебномъ отношеніяхъ. Въ 1838 году, приѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ, въ женскомъ пансіонѣ. Всѣ эти общества стремились къ одному: уничтожить всѣ законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь благоустроенный порядокъ гражданскаго общества. Одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдовала во всеуслышаніе: будто Іисусъ Христосъ не есть Сынъ Божій, Матерь Божія — простая женщина, а папа — шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостью, которая во мнѣ находится, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ. Приступимъ къ финансовой системѣ. Приѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую секцію польскаго банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ почти всѣхъ помѣщиковъ имѣнія. Эта секція привлекала только имепемъ управлявшаго ею. Она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14⁰/₀. Въ послѣднее время были только въ курсѣ облигаціи польскія, а золото и серебряныя монеты совершенно исчезли; многіе помѣщики разорены въ пухъ. Фельдмаршалъ (Паскевичъ), по моему представленію, послалъ курьера къ государю императору, и она уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ контора государственнаго коммерческаго банка. Кто на нее смѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленія? Скажите, кто? Перехожу къ правамъ дворянства. Когда я приѣхалъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне: помѣщикъ ѣдетъ въ каретѣ—дворянинъ, кучеръ на козлахъ—дворянинъ, лакей за каретою—дворянинъ, сторожъ—дворянинъ; дворянинъ подавалъ ему сапоги и, когда онъ, разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель отвѣчалъ ему: «не имѣешь права, я тебѣ равенъ». Государь императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи—спрашивается: можетъ ли онъ подать руку также дворянину, повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю серебромъ. Были коммиссіи для провѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммиссіи въ одну центральную, которая, по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64.000 семействъ, не имѣвшихъ права остаться въ ономъ.

Онѣ приписались въ разныя податныя сословія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества. Когда герольдія утвердить уже многіе дворянскіе роды, окончить разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ руку такому же дворянину, какъ и онъ самъ. Многіе въ этомъ краѣ возстали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ. Они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствѣ въ среднихъ губерніяхъ, а два только главныхъ преступника не прощены, но и тѣмъ участь облегчена: они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи. Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ другихъ мѣстахъ. Нашъ великій государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душою и тѣломъ возсоединены съ Россією, потому и введено въ этомъ краѣ русское законодательство. Нѣкоторые хвалили статутъ литовскій, а многіе ли его читали? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что они его никогда не читали. И никто не читалъ, и никто не знаетъ, какое въ немъ законоположеніе, которое, при нестройномъ совмѣщеніи со множествомъ конституцій, устарѣло, неудобопримѣнимо къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляетъ ихъ только и умножаетъ до безконечности. Да и отыскать его очень трудно: я досталъ въ оригиналѣ два экземпляра. Итакъ, введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо ли меньше дѣлъ, не проще ли, не быстрѣ ли дѣлопроизводство? Случилось въ 1850 году, что два помѣщика Радомышльскаго и Овручскаго уѣзда имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику три дня и другому—три дня; спрашиваю я васъ, что же ему осталось? Было много злоупотребленій помѣщичьей властью—введены инвентари. Много было недозволенныхъ, сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня. Но, Богъ милостивъ, зарѣзали ли кого изъ помѣщиковъ, или даже эконома? били ли кого? Никогда. Было ли у насъ что либо подобное тому, что было въ Галиціи? Напротивъ, мм. гг., инвентари, сдѣланные для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе и, опредѣливъ отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ нѣкоторыхъ правилъ, но не со стороны самихъ помѣщиковъ, а только ихъ управляющихъ и экомомовъ, поссессоровъ, или же со стороны тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей, спрашиваю я васъ, пала ли цѣна на имѣнія? Я имѣю официальные свѣдѣнія, кои доказываютъ противное. Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщаемыя чиновниками, поступать дворяне по вашему усмотрѣнію, когда ознакомятся съ русскимъ языкомъ и законодательствомъ. Нынѣ, благодаря Бога, многіе ознакомились съ русскимъ языкомъ; но, тѣмъ не менѣе, я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначать на эти мѣста чиновниковъ по опредѣленію отъ правительства. Но это переменится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должность стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ дѣлопроизводству, могли быть

впослѣдствіи полезны при дворянскихъ выборахъ. И тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщены дворянами, по выборамъ дворянства. Нынѣ, по моей болѣзни и по милости великаго государя, я для излеченія уволенъ въ отпускъ за границу на 4 мѣсяца. Въмѣсто меня вступить въ управленіе западными губерніями князь Васильчиковъ. Это — человекъ благороднѣйшихъ чувствъ; вы имъ будете довольны, коль исполнить всѣ тяжкія обязанности того бремени, которое я несу 14 лѣтъ. Вашъ начальникъ губерніи исполняетъ свое призваніе отлично; онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ сдѣлалъ добро — вы не можете не отдать ему этой справедливости. Популярности я не искалъ, любви отъ васъ я не имѣю, но вы меня уважаете. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ, ваши дѣти будутъ благодарны моимъ дѣтямъ — въ томъ увѣренъ. Теперь вы приступили къ выборамъ, надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущества, что вы постараетесь отличить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ государь и которые всегда защищали права дворянства и облегчали мнѣ то бремя, которое я такъ долго двигалъ. Простите, прощайте. Если я умру, не поминайте лихомъ!»

Послѣ этого Д. Г. уѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Не смотря на кажущуюся желѣзную натуру и безсердечіе, были, однако, случаи, когда Бибиговъ выказывалъ много доброты...

Когда Дмитрій Гавриловичъ былъ генераль-губернаторомъ въ Кіевѣ, одинъ изъ директоровъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣкто С., постоянно сплетничалъ ему на министра. Когда же самъ Бибиговъ былъ назначенъ министромъ, директоръ С. вообразилъ, что Дмитрій Гавриловичъ его особенно повиситъ за эту самую болтовню; но, увы, вышло иначе. Послѣ представленія новому министру всѣхъ чиновниковъ, Дмитрій Гавриловичъ обратился къ С. и очень холодно спросилъ его:

— Кому же изъ генераль-губернаторовъ будете вы теперь сплетничать на меня?

С. пришлось перейти въ другое министерство.

Въ концѣ 1860-хъ годовъ я жилъ въ домѣ Д. Г., и для меня было великимъ удовольствіемъ слушать его рассказы про Отечественную войну, про введеніе инвентарей и проч. Какъ-то разъ, сидя у него въ кабинетѣ, я обратилъ вниманіе на висѣвшую миниатюру князя Якова Долгорукаго.

— А я и не знаю, отъ кого получилъ ее, но при очень интересныхъ обстоятельствахъ...

И Дмитрій Гавриловичъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

— Нынѣшній государь (то-есть Александръ Николаевичъ) былъ противъ инвентарей. Онъ видѣлъ въ нихъ ослабленіе значенія дворянства. Мнѣ часто приходилось возражать цесаревичу въ государственномъ совѣтѣ, иногда даже рѣзко. Однажды, явившись къ императору Николаю Павловичу, я засталъ его не въ духѣ; госу-

даръ тоже не соглашался съ моимъ докладомъ. Вслѣдствіе какого-то моего возраженія, государь сказалъ:

— Вы должны гордиться, что я такъ цѣню ваши заслуги.

При этомъ государь указалъ на мою, покрытую крестами, грудь. На это я отвѣчалъ, что и «ваше величество можете гордиться такимъ подданнымъ. Все, что мнѣ дали ваше величество, вправѣ отнять. Одного я бы не отдалъ — это Георгіевскій крестъ: его за Бородино повѣсилъ мнѣ самъ покойный императоръ Александръ Павловичъ». Николай Павловичъ всталъ и, хлопнувъ дверью, ушелъ, сказавъ очень раздраженно: «ты меня сегодня сердишь!». Оставшись одинъ въ кабинетѣ, я написалъ рапортъ объ отставкѣ. Вернувшись домой, я сказалъ домашнимъ, что выхожу въ отставку и съ минуты на минуту ожидаю приказанія сдать министерство. Прошло три дня — ни слуху, ни духу. Какъ вдругъ, вечеромъ четвертаго дня, ко мнѣ бѣжитъ курьеръ и докладываетъ: «Государь наслѣдникъ!». Крайне удивленный, зная нерасположеніе ко мнѣ великаго князя Александра Николаевича, я вышелъ встрѣчать его высочество. «Вы можете предполагать, Дмитрій Гавриловичъ, — сказалъ входя наслѣдникъ цесаревичъ, — что, вѣроятно, нѣчто серьезное меня къ вамъ вызвало?» Чему обязанъ посѣщеніемъ вашего высочества? — спросилъ я. — «Вы отца моего знаете лучше меня, — сказалъ государь наслѣдникъ: — и потому вы должны знать, что онъ никогда никого не будетъ просить остаться на службѣ, кто бы ему ни подалъ въ отставку?» Знаю, ваше высочество. «И съ вами то же: императоръ никогда не попроситъ васъ взять свою отставку назадъ; но я, не смотря на наши отношенія, пріѣхалъ лично просить васъ: сдѣлайте это сами для меня. Я знаю, вы этимъ доставите государю большое удовольствіе». Смѣю ли я возражать вашему высочеству послѣ такой чести? Я счастливъ буду продолжать службу моему государю, — сказалъ я. — «Такъ вотъ и отставка. Я увѣренъ былъ, что вы не откажете мнѣ, и захватилъ ее съ собой». При этомъ цесаревичъ вынулъ изъ кармана мою отставку и отдалъ мнѣ ее.

Дмитрій Гавриловичъ былъ глубоко тронутъ. Прошло нѣсколько дней; государь болѣе не упоминалъ о случившемся эпизодѣ. Разъ Бибииковъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и занимался, когда вошедшій курьеръ подалъ ему свертокъ, объяснивъ, что какой-то господинъ подалъ его швейцару для передачи министру. Дмитрій Гавриловичъ развернулъ — это была миниатюра князя Якова Долгорукова; кто ее прислалъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

При воцареніи Александра II, Бибииковъ, зная нерасположеніе къ нему новаго государя, тотчасъ же приготовился выйти въ отставку. Онъ ни шагу не сдѣлалъ, чтобы остаться министромъ внутреннихъ дѣлъ, будучи увѣренъ въ томъ, что императоръ Александръ II, какъ противникъ инвентарей, никогда не рѣшится

уничтожить крѣпостное право. Въ тѣ времена у министровъ не было установленныхъ дней для докладовъ государю (исключая военного министра, докладывавшаго лично ежедневно). Докладъ посылался письменный; но тотъ или другой министръ испрашивалъ разрѣшенія лично докладывать, такъ что по меньшей мѣрѣ ежедневно каждый министръ имѣлъ возможность быть на докладѣ у государя лично. Со дня воцаренія Александра II, Бибииковъ посылалъ свой докладъ государю письменно и ни разу не испрашивалъ себѣ аудіенціи или личного доклада.

Въ августѣ 1855 г. государь императоръ потребовалъ къ себѣ въ Царское Село Д. Г. Бибиикова, который немедленно же и явился. Послѣ первыхъ привѣтствій государь обратился къ Дмитрію Гавриловичу.

— Неужели въ теченіе почти шести мѣсяцевъ у министра внутреннихъ дѣлъ не было надобности личного у меня доклада?

— Не было. Я посылалъ еженедѣльно письменный докладъ вашему императорскому величеству.

— Вѣдь вы понимаете, Дмитрій Гавриловичъ, что при такихъ условіяхъ служить нельзя?!

— Совершенно вѣрно, ваше величество: я привезъ отставку, — сказалъ Д. Г. Бибииковъ, передавая прошеніе государю.

— Кого бы вы мнѣ посоветовали назначить на ваше мѣсто?

— Я увѣренъ, государь, что всякій выборъ, сдѣланный вами, будетъ лучшій.

— Я назначаю министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго.

— Это будетъ прекрасный министръ внутреннихъ дѣлъ.

На этомъ разговоръ оборвался. Государь поцѣловалъ Дмитрія Гавриловича, который вышелъ изъ кабинета его величества, чтобы никогда уже не возвращаться. На другой день появился указъ объ отставкѣ, въ коемъ Дмитрій Гавриловичъ оставленъ въ званіи генералъ-адъютанта и членомъ государственнаго совѣта. Но упрямый Бибииковъ немедленно подалъ прошеніе объ увольненіи и отъ должности члена государственнаго совѣта и отъ званія генералъ-адъютанта.

1863 годъ, польскія смуты и волненія въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, а также на Волыни доказали, на сколько Д. Г. Бибииковъ былъ правъ. Сами поляки говорили, что останься онъ — смутъ не было бы на Волыни. Вспомнили и въ Петербургѣ о Дмитріѣ Гавриловичѣ. Послѣ князя Горчакова ему предлагали ѣхать на мѣстникомъ въ Польшу, но онъ отказался.

— Я во всю жизнь никогда не подписывалъ смертнаго приговора, а теперь безъ этого не обойдется; къ тому же я и старъ, — говорилъ онъ.

Точно такъ же отказался онъ отъ предложеннаго ему, съ огром-

ными полномочіями, кіевскаго генераль-губернаторства, хотя въ 1863 г. и говорили шутя: «привезите чучело Бибикова въ Кіевъ, на Волынь, и все утихнетъ».

Про Дмитрія Гавриловича ходила масса анекдотовъ. Не разъ ему угрожали, что его убьютъ. Такъ, во время постройки въ Кіевѣ моста черезъ Днѣпръ, устроена была корзина, въ которой по канату переправляли черезъ рѣку. Д. Г. Бибиковъ узналъ, что арестанты будто бы подкуплены и что, если его будутъ перевозить, то на срединѣ рѣки его спустятъ въ воду, чтобы утопить. Дмитрій Гавриловичъ тотчасъ отправился на берегъ, чтобы переправиться на другую сторону Днѣпра. Подѣхавъ къ мѣсту переправы, онъ спросилъ: «кто здѣсь работаетъ?» — Каторжные! — отвѣчали ему. — «Вѣрю себя вашей чести», — обратился къ нимъ Д. Г. Бибиковъ и сѣлъ въ корзинку. Громкое «ура» было ему отвѣтомъ. Онъ хотѣлъ переправиться одинъ, но адъютанты его требовали, чтобы ихъ взяли. Переправа туда и назадъ совершилась благополучно: каторжные были польщены прямымъ обращеніемъ къ ихъ чести.

У Дмитрія Гавриловича былъ пакетъ съ бланками императора Николая I. Послѣ 14-ти-лѣтняго управленія онъ привезъ ихъ государю обратно, не истративъ ни одного изъ нихъ.

Въ духовной своей Д. Г. Бибиковъ просилъ, чтобы его похоронили безъ воинскихъ почестей; но это не было исполнено, такъ какъ онъ былъ георгіевскій кавалеръ.

Въ Бородинской битвѣ участвовали четыре брата Бибиковыхъ: Александръ, Гавріиль, Дмитрій и Илья Гавриловичи. Павелъ Гавриловичъ, отецъ княгини Елены Павловны Кочубей, былъ убитъ подъ Витебскомъ, у Дмитрія Гавриловича оторвало руку при Бородинѣ, остальные отдѣлались легче. Вслѣдствіе ранъ Д. Г. Бибиковъ пошелъ по штатской службѣ и до 1830-хъ годовъ служилъ въ министерствѣ финансовъ директоромъ департамента, а въ 1837 году перешелъ въ военную службу съ назначеніемъ кіевскимъ генераль-губернаторомъ.

Пугать Д. Г. Бибиковъ былъ мастеромъ. Ему однажды навязали для одного изъ институтовъ директрису-польку. Какъ онъ ни противился, ему ее прислали. При вступленіи въ должность, онъ прочелъ ей очень строгую нотацію, чтобы въ институтѣ не допускалась политическая пропаганда, иначе директриса пускай пеняетъ на себя. Конечно, панна клялась... Но, увы, не прошло двухъ лѣтъ, какъ Дмитрій Гавриловичъ узнаетъ, что польская пропаганда въ полномъ ходу, что воспитанницы поютъ запрещенныя пѣсни и гимны, однимъ словомъ начиналось то, на что мы насмотрѣлись въ 1862—1863 годахъ. Послали за несчастной директрисой, предъ которой предсталъ уже грозный кіевскій генераль-губернаторъ Бибиковъ.

— Вы забыли мою отвѣдь, — сказала Дмитрій Гавриловичъ: — я все знаю, и вы немедленно отправитесь въ Сибирь.

Полуживую директрису посадили на телѣжку съ жандармомъ и помчали по всѣмъ главнымъ улицамъ Кіева. Затѣмъ на второй, чуть ли даже не на первой станціи отъ города ей объявили, что она свободна, но чтобы болѣе не являлась въ предѣлахъ Юго-Западнаго края. Зато отбѣздъ ея съ жандармами надолго устранилъ изъ института духъ польской пропаганды. Разъ Бибикову донесли, что арестованъ молодой полякъ за то, что пѣлъ «Еще Польша не сгинѣла». Д. Г. послалъ ему въ крѣпость приглашеніе къ себѣ на вечеръ. Смущенный молодой человѣкъ пріѣхалъ. Д. Г. принялъ его очень радушно. Оказалось, что молодой человѣкъ хорошій музыкантъ. Д. Г. упросилъ его спѣть ему кое-что, сыграть и, наконецъ, потребовалъ, чтобы онъ ему спѣлъ «Еще Польша не сгинѣла». Тотъ долго отпѣкивался, но долженъ былъ исполнить просимое.

Тогда Д. Г. спросилъ:

— А «Боже, царя храни» умѣете?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ выучитесь, вы хорошій музыкантъ.

Пришлось и это исполнить. И что же «Боже, царя храни», спѣтое полякомъ въ домѣ генераль-губернатора, на столько стало всюду извѣстно, что пѣвшій его потерялъ всякое политическое вліяніе. Конечно, онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости тогда же.

Года за два передъ смертью Д. Г. Бибикова, я жилъ у него въ домѣ на Дворцовой набережной; онъ занималъ нижній этажъ, а я жилъ у его дочери, тогда княгини Львовой (нынѣ вторымъ бракомъ графиня Кассини), на верху, и часто ходилъ къ покойному дядѣ. Однажды, утромъ, у Дмитрія Гавриловича сидѣлъ какой-то старый, престарый генералъ, должно быть, не только временъ Николаевскихъ, но скорѣе еще Александра I; они о чемъ-то бесѣдовали, причемъ постоянно слышались слова Михаилъ Павловичъ, Константинъ Павловичъ, и т. д. Въ это время пріѣхалъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій. Это было вскорѣ послѣ Каракозовскаго выстрѣла; князь Василій Андреевичъ былъ оберъ-камергеръ, онъ недавно только оставилъ мѣсто шефа жандармовъ. Разговѣръ, сперва общій, сосредоточивался на князѣ Василіѣ Андреевичѣ, который, разсуждая съ Дм. Гавр., увлекся и началъ разсказывать, что онъ тотчасъ послѣ выстрѣла Каракозова подалъ въ отставку, которую мотивировалъ въ письмѣ къ государю Александру II тѣмъ, что сегодняшній выстрѣлъ есть полнѣйшее осужденіе не только всей его дѣятельности, какъ шефа жандармовъ, но и всей системы, почему ему, Долгорукову, немислимо оставаться на посту, имъ занимаемомъ. Затѣмъ князь распространился объ этомъ письмѣ, именно насчетъ того, что въ немъ онъ указывалъ на невозмож-

ность останавливаться на пути начатыхъ реформъ, что нужны новые люди, что старые не годятся, однимъ словомъ, на тему: «Не вливайте вина новаго въ мѣха старые»... Письмо это, крайне интересное, должно находиться въ копіи у внуковъ кн. Вас. Андреевича, у сыновей покойнаго князя Александра Васильевича Долгорукаго.

Старичекъ генералъ все молчалъ, но когда кн. В. А. Долгорукій вышелъ, онъ вздохнулъ и, обратясь къ Д. Г. Бибикову, говорилъ:

— Вотъ въ чемъ и бѣда, Д. Г., что молодежь наша все либеральничаетъ.

Подъ этою молодежью онъ подразумѣвалъ князя Василя Андреевича, бывшаго военнаго министра и шефа жандармовъ.

Д. Г. Бибиковъ не могъ удержаться и расхохотался и тотчасъ послалъ за княземъ Е. А. Львовымъ, своимъ зятемъ, чтобы разсказать ему о его либеральномъ дядѣ, такъ какъ кн. В. А. былъ родной дядя князю Евгенію, то-есть, братъ матери князя, княгини Маріи Андр. Львовой.

Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, когда-то тамбовскій предводитель дворянства, а потомъ знаменитый дирижеръ хора своей капеллы, всей Россіи и Европѣ извѣстнаго (въ родѣ Славянскаго), былъ въ свое время большой балагуръ и шутникъ. Будучи губернскимъ предводителемъ въ Тамбовѣ, онъ часто приходилъ въ канцелярію губернатора иногда по дѣлу, а иногда и такъ себѣ.

Въ губернаторской канцеляріи служилъ старый регистраторъ Иванъ Ивановичъ, фамиліи его не знали, но онъ часто бывалъ мишенью для шутокъ Ю. Н. Голицына. Какъ-то въ одно изъ своихъ посѣщеній князь Юр. Ник. засталъ Ивана Ивановича очень озабоченнымъ и въ суетѣ. Что случилось?—«Да вотъ, ваше сіятельство, отправляемъ въ первый разъ эстафетъ въ новому министру Бибикову», и князь увидалъ, какъ Иванъ Ивановичъ выводилъ на конвертѣ красивымъ почеркомъ «въ собственныя руки».

— Вы что это пишете?—спросилъ Голицынъ.

— Да сами изволите видѣть: его высокопревосходительству въ собственныя руки.

— Ну, влетитъ же вамъ,—сказалъ спокойно Голицынъ:—развѣ вы не знаете, что у министра одна рука?

— Какъ же надо?—спросилъ, не на шутку испугавшись, Иванъ Ивановичъ и остановился писаньемъ.

— Да обязательно надо писать въ собственную руку: иначе министр обидится, что подчиненные не знаютъ, что ли, что у него одна рука, а пишутъ «въ собственныя руки».

— Да такъ ли?—переспросилъ Иванъ Ивановичъ

— Да ужъ вѣрно говорю вамъ, — увѣрилъ Ивана Ивановича Голицынъ.

Но каково же было разочарованіе бѣднаго Ивана Ивановича, когда онъ подалъ исправленный согласно съ указаніемъ Ю. И. Голицына «пакетъ въ собственную руку министра» директору канцеляріи, который, обругавъ Ивана Ивановича, велѣлъ въ третій разъ переписать пакетъ.

— И Бога вы не боитесь, — выговаривалъ Иванъ Ивановичъ Голицыну, который прехладнокровно ожидалъ результата своей шутки.

Дѣдушка Иванъ Петровичъ Бибиковъ, отецъ моей матери, неоднократно сопровождалъ въ путешествіяхъ императора Александра Павловича, то-есть ѣздилъ въ его свитѣ. Вояжи эти были интересны. Какъ-то проѣзжали чрезъ селеніе бѣлопашцевъ (Костромской губерніи), потомковъ Сусанина, которые ждали этого давно и вышли встрѣчать императора Александра I. Почему-то государю очень не хотѣлось этой встрѣчи, и передъ вѣздомъ въ селеніе онъ заснулъ. Никто не посмѣлъ разбудить императора, такъ что торжественная встрѣча не состоялась. Вышелъ одинъ графъ Аракчеевъ, потолковалъ и сказалъ, чтобы не шумѣли, такъ какъ его величество почиваетъ.

Въ одномъ селеніи крестьяне на колѣнахъ ожидали государя. Когда императоръ вышелъ изъ экипажа, оказалось, что это погорѣльцы, числомъ до десяти дворовъ. Государь велѣлъ имъ дать по пятисотъ рублей на дворъ. Немного отъѣхавъ, Александръ Павловичъ приказалъ остановиться и подозвалъ дѣда, ѣхавшаго въ другомъ экипажѣ.

— Вернись въ деревню, — сказалъ онъ, — и раздай имъ деньги самъ: вѣдь чрезъ полицію они никогда ничего не получаютъ.

Дѣдъ вернулся, роздалъ деньги и затѣмъ догналъ поѣздъ царскій.

Въ эту же поѣздку, на одномъ постояломъ дворѣ, хозяйка предложила государю домашніе щи, которыя ему такъ понравились, что онъ потребовалъ другую тарелку. Передъ выѣздомъ изъ селенія государь спросилъ:

— Сколько заплатили хозяйкѣ?

Отвѣчали—сто рублей.

— Какъ такъ?—сказалъ государь:—я съѣлъ двѣ тарелки. Уплатите двѣсти рублей немедленно.

Мнѣ жаль, что я не запомнилъ многого, что дѣдушка рассказывалъ.

Я уже сказалъ, что въ сосѣдствѣ нашемъ жили вернушіеся изъ ссылки декабристы. Про Николая Романовича Цебрикова сохранилось много анекдотовъ. Управляя имѣніями И. А. Раевского, Цебриковъ часто съ дядею заѣзжалъ къ намъ и многое рассказывалъ, а словоохотливый дядя говорилъ про него еще больше, чѣмъ онъ самъ.

Цебриковъ въ самомъ заговорѣ не участвовалъ и не зналъ про него, а пріѣхалъ въ Петербургъ не задолго до 14-го декабря; онъ служилъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи. По пріѣздѣ въ столицу, онъ купилъ себѣ военную фуражку самаго моднаго покроя. Заговорщики же всѣ носили фуражки одинаковаго покроя, почему покроемъ этотъ и попалъ въ моду. Проходя 14-го декабря по Галерной, Цебриковъ увидѣлъ смятеніе и отправился смотрѣть, въ чемъ дѣло. Вдругъ видитъ онъ, что рота пѣхоты бѣжитъ, преслѣдуемая кавалеріею. Какъ пѣхотинецъ, онъ не вытерпѣлъ, закричавъ: «Пѣхота! стройся въ карре противъ кавалеріи!» — принялъ начальство и отбилъ атаку кавалеріи...

Уже послѣ оказалось, что пѣхота эта была изъ числа возмущившихся полковъ, а кавалерія гнала ее съ Сенатской площади. Возвратившись домой, Цебриковъ напелъ у себя моего дѣда, Евгенія Оболенскаго (друга Рылѣева), который и рассказалъ обо всемъ случившемся, о заговорѣ и проч. Князя Евгенія Оболенскаго арестовали на квартирѣ у Цебрикова. Послѣдній былъ очень радъ, что попалъ въ такую интересную исторію. Какъ укрывателя, его тоже арестовали; а тутъ еще фуражка мятежнаго покроя явилась уликою противъ бѣднаго Николая Романовича, который все болѣе и болѣе входилъ въ роль настоящаго заговорщика. Когда видѣвшіе, какъ онъ командовалъ мятежною ротою противъ кавалеріи, спросили, кричалъ ли онъ, чтобы пѣхота строилась въ карре, Цебриковъ самъ взвелъ на себя небылицу, сказавъ, что онъ кричалъ: «*en avant les Carbonari!*». Вся эта болтовня сдѣлала то, что ему единственному императоръ Николай не только не смягчилъ наказанія, но прибавилъ еще и отъ себя. Цебриковъ сперва былъ сосланъ, а потомъ долго еще служилъ солдатомъ. Коротко остриженный, бѣлый, какъ лунь, съ очень умными глазами—я, какъ теперь, его вижу, вмѣстѣ съ дядею И. А. Раевскимъ, весело шутившимъ надъ нимъ у насъ, въ домѣ, за чайнымъ столомъ, за шумѣвшимъ самоваромъ.

Изъ другихъ декабристовъ памятенъ мнѣ еще Лореръ и его рассказы; я рѣдко слышалъ такого хорошаго рассказчика. Особенно помню его рассказъ о томъ, какъ онъ, русскій офицеръ, служившій въ польскихъ войскахъ, подошелъ къ императору Александру Павловичу съ рапортомъ и пофранцузски сталъ рапортовать: такъ было приказано. Послѣ рапорта государь ему съ улыбкой сказалъ:

— А, старый знакомый!

И почему это государь такъ его вспомнилъ? Рассказъ относится ко времени кампаніи 1813—1814 г. (за освобожденіе Германіи), которую Лореръ дѣлалъ. Рассказъ этотъ былъ тогда же записанъ княземъ Вл. Черкасскимъ и, кажется, напечатанъ въ «Русской Бесѣдѣ».

Лореръ тогда, то-есть въ 1813 г., квартировалъ во время похода у министра финансовъ одной нѣмецкой владѣтельной особы и спасъ его отъ австрійцевъ, которые хотѣли чуть ли не за измѣну разстрѣлять его. По просьбѣ семьи злосчастнаго министра, арестованнаго ночью, Лореръ побѣждалъ прямо къ самой владѣтельной княгинѣ, во дворецъ; но въ дверяхъ двое часовыхъ перекрестили штыки, чтобы его не пропустить. Онъ мало обратилъ вниманія на нѣмецкихъ солдатъ и, какъ лихой русскій офицеръ, перепрыгнулъ черезъ перекрещенныя ружья. Затѣмъ онъ влетѣлъ прямо въ гостиную и—о, ужасъ!—тамъ, вмѣстѣ съ владѣтельной княгиней, сидѣлъ императоръ Александръ... Государь нахмурился и строго спросилъ своего офицера, какъ онъ смѣлъ безъ доклада войти, особенно, когда онъ, государь, тутъ. Онъ чистосердечно разсказалъ, что ночью его хозяина, то-есть министра финансовъ ея свѣтлости, арестовали, что семья въ отчаяніи и просила спасти отца, котораго хотятъ разстрѣлять... Владѣтельная особа страшно разгнѣвалась, а государь кусалъ себѣ губы, чтобы не засмѣяться во время разсказа молодого офицера: такъ ему показалась смѣшна вся исторія. Государь взялся устроить дѣло, а потомъ при всякой встрѣчѣ вспоминалъ, какъ Лореръ вбѣжалъ и какъ испугался.

Памятенъ мнѣ также и Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ добрыхъ людей, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Я его особенно любилъ: ужъ очень ласковъ былъ онъ ко мнѣ, совершенному мальчику.

Однимъ изъ послѣднихъ декабристовъ, которыхъ я видѣлъ, былъ Загорѣцкій. Это было уже въ 1860-хъ годахъ, когда я служилъ предводителемъ дворянства въ Ефремовѣ. Онъ былъ уполномоченнымъ, или, такъ сказать, представителемъ интересовъ казенныхъ крестьянъ въ дѣлѣ размежеванія. Въ 1868 году, когда я съ нимъ познакомился, ему было около 75 лѣтъ. Онъ былъ очень взволнованъ, когда я ему отрекомендовался, какъ внукъ Евгенія Оболенскаго.

— Боже, сколько воспоминаній возникаетъ у меня при этомъ имени!—сказалъ онъ мнѣ:—я вѣдь шелъ съ княземъ Евгеніемъ въ ссылку!...

Многое онъ мнѣ разсказывалъ. Между прочимъ, что франк-массоны оказывали огромную услугу ссыльнымъ, присылали деньги, вещи.

— Должно быть, князю Евгенію Петровичу была поручена раздача пособій тому, кто нуждался, но дѣлалось это очень деликатно. Можетъ быть, князь Евгеній и свои деньги мнѣ далъ. При разставаніи въ Сибири онъ подарилъ мнѣ кисетъ съ табакомъ. Смотрю, что-то тяжелъ кисетъ; глядь, а тамъ деньги... А князя Евгенія уже нѣтъ—не успѣлъ и спасибо сказать!

Случайно Загорѣцкій захватилъ съ собою въ Сибирь книжку,

оказавшуюся механикой; случайно и онъ сдѣлался механикомъ. Около двадцати лѣтъ онъ прожилъ на поселеніи, въ отдаленнѣйшей части Сибири, устроилъ себѣ хижину, досталъ ружье и предался охотѣ, которая и кормила его. Онъ показывалъ мнѣ: знаменитый кисеть, часы, которые самъ сдѣлалъ, благодаря книжкѣ-механикѣ, и чучело собаки, единственного его спутника на поселеніи.

Семидесятипятилѣтній старикъ Загорѣцкій ежедневно дѣлалъ по 10—15 верстъ пѣшкомъ, на лыжахъ, вокругъ Ефремова, выслѣживая зайцевъ, и это было ему не по чемъ.

Князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ жилъ тоже безвыѣздно въ Хованщинѣ, Епифанскаго уѣзда, такъ какъ ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Москву. По конфирмаціи суда онъ, кромѣ того, былъ лишенъ княжескаго титула и долженъ былъ называться Михайловымъ. Конечно, всѣ воздавали ему княжеское достоинство: его любили за веселый характеръ и умъ. Когда онъ былъ на Кавказѣ солдатомъ, имъ всѣ интересовались; но, получивъ офицерскіе эполеты, князь какъ бы потерялъ престижъ. Эту смѣшную сторону Лермонтовъ описалъ въ Грушницкомъ; это, конечно, не князь В. М. Голицынъ, но эпизодъ Грушницкаго, надѣвшаго послѣ солдатскихъ погоновъ офицерскіе эполеты, взятъ съ князя Голицына.

Князь Валеріанъ Михайловичъ былъ хорошій хозяинъ. Всѣхъ своихъ крестьянъ онъ обязалъ учиться какому либо мастерству. Вслѣдствіе этого село Хованщина славилось по всему уѣзду своими малярами, штукатурами и особенно хорошими печниками. Хованскіе крестьяне до сихъ поръ помнятъ и благодарятъ князя: всѣ они, благодаря мастерствамъ, зажиточны и богаты.

Въ 1856 г., при коронаціи императора Александра II, В. М. Голицыну возвращено княжеское достоинство, и по наслѣдству присоединенъ еще титулъ графа Остерманъ-Толстаго. Этотъ послѣдній былъ герой Кульма, гдѣ потерялъ руку. (Князь Голицынъ былъ племянникъ графа Остермана).

Дѣдъ мой также много рассказывалъ и про графа Ѳ. А. Остермана, особенно про его разсѣянность, вошедшую въ пословицу. Графъ былъ такъ разсѣянъ, что иногда вмѣсто шляпы бралъ съ окна горшокъ съ цвѣтами и уходилъ съ нимъ; только въ передней его останавливали.

Наслѣдство графа Остермана не принесло счастья князю В. М. Голицыну. Хлопоты оказались ему не подъ силу, особенно въ 1861 году, и онъ подъ бременемъ заботъ занемогъ и скончался. Запустѣла его Хованщина, садъ вырубилъ и, гдѣ когда-то веселились, все разрушилось... Однѣ только руины свидѣтельствуютъ о добромъ старомъ времени.

Такого общества, какъ тогда, теперь нельзя собрать ни въ одномъ углу Россіи, ни въ самой столицѣ. Цвѣтъ интеллигенціи

тогда жилъ въ деревняхъ, въ своихъ имѣніяхъ. Служить никому не хотѣлось при тогдашнихъ строгихъ порядкахъ. Единственно возможная служба была служба предводителя дворянства, на обязанности котораго лежало наблюденіе, чтобы не было злоупотребленій съ крѣпостными, но и это было не легко, ибо многіе помѣщики обращались плохо съ крѣпостными. Общество по губерніямъ жило тоже весьма обширное: всѣ мѣста тутъ были выборы и замѣщались исключительно дворянами, поэтому общество было огромное... Куда все это дѣлось? Съ потерей всѣхъ своихъ правъ на мѣста въ судѣ и администраціи, дворянство разбредось кое-куда. Усадьбы большею частью запустили; появились новые люди въ видѣ Колупаевыхъ, Разуваевыхъ et tutti quanti, дотла разорившіе наши дворянскія гнѣзда. А въ окружныхъ и другихъ судахъ дворянскій элементъ тоже вытѣсненъ, смѣнившіе не замѣнили его. О нихъ, впрочемъ, comme des presents on ne parle pas. Будемъ говорить о прошломъ.

Меня часто возила матушка гостить къ дѣду и бабушкѣ, въ ихъ деревню Данковского уѣзда. А у нихъ, какъ у старшихъ въ краѣ, собиралась масса гостей. Какихъ только не видалъ я тамъ типовъ!.. Многихъ я помню словно въ туманѣ, а нѣкоторыхъ и не видалъ, но о нихъ столько слыхалъ отъ дѣда, что, кажется, будто я ихъ видѣлъ всѣхъ.

Дѣтямъ многого не говорятъ, или выражаются при нихъ индифферентно. Но дѣти всегда догадливы, чѣмъ думаютъ; многое, на что большіе не обращаютъ вниманія, не ускользаетъ отъ проницательнаго взгляда молодыхъ глазъ и ушей. Я по себѣ знаю: бывало, что захочешь узнать, непременно узнаешь. Отъ меня, напримеръ, хотѣли скрыть и скрывали одно драматическое происшествіе въ семьѣ; мнѣ никто не говорилъ о немъ, а, между тѣмъ, я догадался, какъ—и самъ не знаю, а догадался...

Разказы дѣдовъ, какъ я уже сказалъ, имѣли для меня особую прелесть. Съ такимъ же наслажденіемъ слушалъ я разказы дяди И. А. Раевского, обладавшаго удивительнымъ даромъ слова и прекрасно передававшаго все имъ видѣнное; къ тому же онъ умѣлъ искусно передразнивать. Онъ прелестно передавалъ разказы по старинѣ часто въ самомъ смѣшномъ видѣ.

Я упомянулъ о нѣкоторыхъ лицахъ, посѣщавшихъ матушку, но о нихъ скажу послѣ. Возвращаясь теперь къ разказамъ дѣда и бабушки, которые помнили императора Павла и его пребываніе въ Москвѣ.

Разъ бабушка ѣхала по Москвѣ съ своею матерью, когда вдругъ увидала идущаго пѣшкомъ по тротуару императора. А приказъ былъ такой: при встрѣчѣ останавливаться и выходить изъ экипажа, чтобы поклониться императору. Московская прислуга, никогда не выдававшая государя, не обращала никакого вниманія на идущаго

щаго пѣшкомъ Павла Петровича и продолжала ѣхать, не слыша криковъ бабушки: «стой, стой!» — шумъ колесъ заглушалъ эти крики. Императоръ, увидавъ испугъ двухъ московскихъ барынь, улынулся и, будучи близко отъ кареты, сказалъ очень ласково:

— Calmez-vous, mesdames — ce n'est rien.

Я помню еще старика И. И. Раевского, прозваннаго «Зефиромъ». Онъ рассказывалъ, какъ его императоръ Павелъ отправилъ въ Москву съ фельдъегеремъ прямо съ бала, въ чулкахъ и башмакахъ, изъ Петербурга и велѣлъ посадить подъ арестъ на Ивановскую колокольню, гдѣ былъ устроенъ карцеръ. Отправили же его съ бала за минуту, который онъ какъ-то неудачно протанцовалъ съ княжной Лопухиной.

У дѣдушки, И. П. Бибикова, въ Сергіевскомъ по мѣсяцамъ жилъ въ гостяхъ нѣкто полковникъ Сокоревъ. Онъ былъ изъ гатчинскихъ офицеровъ Павловскаго времени и обожалъ императора Павла. Вздыхая, Сокоревъ вспоминалъ, что и онъ имѣлъ бы 2.000 душъ, если бы государь процарствовалъ дольше и если бы его, Сокорева, 12-го марта не смѣнили съ караула... Все его состояніе состояло изъ брички, четверки лошадей и двухъ крѣпостныхъ: слуги Африкана и кучера Зимы. И вотъ живетъ полковникъ Сокоревъ два, три мѣсяца у Бибикова, потомъ ѣдетъ къ другому сосѣду и т. д. весь годъ, снова возвращаясь къ дѣду; другаго приюта онъ не имѣлъ, а дѣдъ его любилъ. Сокоревъ былъ страстнымъ охотникомъ и часто отправлялся съ дѣдомъ въ отъѣзжія поля; но всегда былъ какъ-то особенно несчастливъ: или протравить звѣря, или самъ упадетъ и расшибется, или искалѣчить собакъ. Старикъ Сокоревъ былъ челоѣкъ съ гоноромъ и не позволялъ себѣ, такъ сказать, наступать на ногу. Когда его собаки, бывало, протравятъ зайца, онъ цѣлые дни не говоритъ ни съ кѣмъ; съ горя молчитъ, пока дѣдъ его не успокоитъ, увѣривъ, что нельзя было догнать зайца, или придумавъ какую нибудь другую причину, отчего заяцъ ушелъ, не умаляя достоинствъ Сокоревской собаки.

Въ Епифанскомъ уѣздѣ жилъ въ старыя годы Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, стяжавшій себѣ незавидную славу творимыми имъ на охотѣ ужасами, кутежами, чудачествомъ, подчасъ щедростью и пр. Охотясь въ 1860-хъ годахъ въ Хитровщинѣ, бывшемъ имѣніи Измайлова, я слыхалъ про него разные рассказы. Мой старикъ доѣзжачій, Лаврентій, даже помнилъ Измайлова, умершаго въ 1830-хъ годахъ, ѣздилъ у него выжлятникомъ, когда съѣзжались на охотѣ съ дѣдомъ Бибиковымъ и Напокинымъ.

Измайловъ имѣлъ репутацію изверга. Дѣйствительно онъ не рѣдко мучилъ людей. У него было устроено нѣчто въ родѣ арестантской, гдѣ людей сажали въ рогатки такъ, что они не могли двинуться. Дѣдъ же мой, Бибиковъ, былъ крайне добродушенъ. Когда онъ съ своею охотою въѣзжалъ въ Хитровщину, то первымъ дѣломъ говорилъ Льву Дмитріевичу:

— Что это ты людей мучаешь? Если сейчас не выпустишь всѣхъ, минуты не останусь у тебя!

Измайловъ дорожилъ дружбою моего дѣда и тотчасъ выпускалъ всѣхъ изъ колодокъ... Приѣзда дѣда ждали люди въ Хитровщинѣ, какъ свѣтлаго праздника.

Съ людьми своими Измайловъ обращался звѣрски. Они подавали на него жалобы, но въ тѣ времена трудно было добиться чего нибудь. Впрочемъ, въ архивѣ Енифанской дворянской опеки я нашелъ дѣло о взятіи въ опеку Измайлова за жестокое обращеніе съ людьми, и замѣчательный указъ императора Николая Павловича объ изъятіи дѣла сего изъ вѣдомства тульскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ виду ихъ продажности, и о передачѣ дѣла въ присутственныя мѣста Рязанской губерніи. Тамъ такъ же была учреждена опека, ибо часть имѣній Измайлова находилась въ Рязанской губерніи. Слѣдствіе было поручено моему дѣду, но онъ отказался, указавъ на свои дружескія отношенія съ Измайловымъ.

Въ молодости Измайловъ былъ лихимъ командиромъ полка, называвшагося, по обычаю того времени, его именемъ. Когда скончалась императрица Екатерина II, то полкъ Измайлова опоздалъ къ присягѣ императору Павлу. Объ этомъ узнали въ Петербургѣ. Измайлова схватили подъ Коломною и, пыльнаго, грязнаго, въ телѣжкѣ примчали въ Петербургъ, прямо во дворецъ. Былъ праздникъ, и толпа придворныхъ ожидала выхода государя. Увидя, что Измайлова, одного изъ первыхъ богачей имперіи, привезли подъ стражею, никто, конечно, не узналъ его, или не хотѣлъ узнать. Вышелъ государь и сурово обратился къ Измайлову:

— Отчего это вы, сударь мой, опоздали съ полкомъ на цѣлую недѣлю въ Москву къ присягѣ мнѣ?

— Не опоздалъ я, государь, — отвѣтилъ бойко Измайловъ: — а не могъ поспѣть. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ я пою-кормлю на свой счетъ полкъ, не получая ни копейки изъ казначейства. А когда потребовали полкъ въ Москву, то поставщики прислали за расчетомъ. Я и долженъ былъ это сдѣлать, чтобы успокоить народъ; иначе была бы сумятица.

— Это правда, сударь мой?

— Сущая правда, государь!

Его отпустили съ почетомъ, и Измайловъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ придворныхъ, которые жали ему руки и увѣряли, что очень рады его видѣть. Усталый, взбѣшенный отъ безумной скачки на перекладныхъ, да еще подъ конвоемъ, Измайловъ отправился въ гостинницу отдохнуть. Къ нему явился отъ императора Павла графъ Толстой спросить, какую милость онъ желаетъ получить за причиненное ему безпокойство и непріятность. Измайловъ наговорилъ дерзостей графу Толстому, который до выхода государя тоже не узнавалъ его.

— Одно мое желаніе,—рѣшилъ Измайловъ:—никогда васъ не видать больше!

Обиженный Толстой вернулся и передалъ, что Измайловъ ничего не хочетъ, да еще нагрубилъ. Императоръ снова разгнѣвался. Отъ Измайлова отобрали полкъ; ему приказано было немедленно выѣхать изъ Петербурга и навсегда поселиться въ своихъ помѣстьяхъ. Тамъ и жилъ Измайловъ и куролесилъ, какъ Мих. Вас. Куролесовъ, въ запискахъ Багрова.

Кутежи Измайлова были опасны даже для гостей его. Такъ, разъ именно этотъ самый Сокоревъ поѣхалъ отъ дѣда моего на именины къ Льву Дмитріевичу, въ Хитровщину. Гости было множество; гуляли на славу. Какъ на бѣду, Измайловъ за обѣдомъ спросилъ шампанскаго, а это былъ плохой признакъ. Пилъ онъ рѣдко, но зато, когда запивалъ, бѣда! У него шампанское подавали не бутылками, не дюжинами, а ящиками... Раскутился Измайловъ и велѣлъ подать знакъ, чтобы охота его прискакала. Охотничій дворъ былъ за нѣсколько верстъ, въ Жмуровѣ, но изъ усадьбы было видно, какъ съ горы скакали охотники. (Ѣздило же 25 человекъ подъ гончими и 25—съ борзыми). Картина вышла чрезвычайно красивой, ибо люди были на чудесныхъ лошадяхъ и роскошно одѣты. Прискакалъ первый охотникъ и поздравилъ своего господина, который далъ ему тысячу рублей ассигнаціями, второй получилъ 500 и такъ все меньше и меньше. Наконецъ, прискакалъ послѣдній; этому несчастному Измайловъ приказалъ тутъ же дать сто палокъ. Сидѣвшій рядомъ съ Измайловымъ, Сокоревъ нахмурился и воскликнулъ:

— Отмѣните сейчасъ это приказаніе, ибо я не для того въ гостяхъ у васъ, чтобы видѣть подобныя гадости!

— Что?!—заревѣлъ Измайловъ:—да ты забываешь, что ты у Измайлова, что я тебя...

— Ни слова больше!—твердо сказалъ Сокоревъ, прикасаясь къ рукояткѣ кинжала, висѣвшаго у него на поясѣ:—или я этотъ кинжалъ воткну въ вашъ бокъ по самую рукоятку! Отмѣните приказаніе сейчасъ же.

Измайловъ смутился. Слова Сокорева были произнесены такъ внушительно, что не было сомнѣній, что угрозу свою онъ привелъ бы въ исполненіе.

— Полноте, пожалуйста, не горячитесь: я вѣдь пошутилъ,—сказалъ Измайловъ.

— То-то же, такъ-то лучше,—закончилъ Сокоревъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, досидѣлъ обѣдъ.

Умеръ старикъ Сокаревъ, предвозвѣстивъ свою кончину. Онъ разсказалъ моей бабушкѣ, что ему въ Сергіевскомъ, гдѣ онъ гостилъ, былъ видѣніе. Явился къ нему какой-то якобы монахъ и предрекъ, что онъ умретъ чрезъ столько-то времени отъ ноги.

Такъ и случилось: онъ упалъ изъ брички и расшибъ себѣ ногу; она стала болѣть, и онъ отъ раны умеръ.

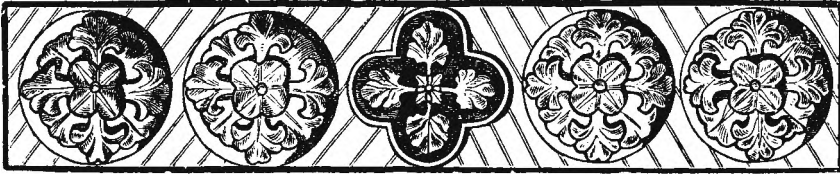
Измайловъ доживалъ свой вѣкъ больной въ подагрѣ; но молва о немъ гремѣла по Тульской и Рязанской губерніи, и молва не въ его пользу. Нервный, жестокій, онъ, всетаки, иногда, какъ въ припадкѣ, бывалъ великодушенъ и щедръ. Такъ, купивъ у бѣдной помѣщицы деревню съ крестьянами, страшно перепуганными переходомъ къ Измайлову, онъ крестьянъ этихъ просто облагодѣтельствовалъ, построилъ имъ прекрасные дома, и они жили припѣваючи. Своихъ же собственныхъ крестьянъ мучилъ донельзя. Несчастные подали жалобу на него, но до окончанія слѣдствія перемерли въ острогѣ, молва говорить, отъ блиновъ, имъ подосланныхъ. Измайловъ вѣчно боялся своихъ крѣпостныхъ и былъ донельзя подозрителенъ, такъ что люди рѣдко могли угодить ему.

Измайловъ въ Хитровщинѣ держалъ цѣлый гаремъ; жизнь въ немъ несчастныхъ женщинъ была ужасна.

Князь Д. Д. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО ¹⁾.

Тяжелый 1848 годъ.—Графъ С. Г. Строгановъ и купецъ Шапошниковъ.—Открытие памятника на мѣстѣ Куликовской битвы.—Вліяніе слона на улучшение дорогъ.—Русское общество передъ эмансипаціей.—Князь В. А. Черкасскій.—Освобожденіе имъ своихъ крѣпостныхъ.—Князь П. В. Долгоруковъ.—Тульскій комитетъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ.—Борьба партій.—Вызовъ князя Черкаскаго въ Петербургъ для участія въ трудахъ Редакціонной Комиссіи.—Н. А. Милютинъ.—Анекдоты о графѣ В. Н. Панинѣ.—Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.—Графъ Ламбертъ.—Крестьянскія волненія въ Тульской губерніи.—Дѣятельность князя Черкаскаго въ должности мирового посредника.—Волненія въ Московскомъ университетѣ.—Польское возстаніе.—Посылка князя Черкаскаго и Н. А. Милютина въ царство Польское.—Дѣятельность Черкаскаго въ Польшѣ.—Обѣдъ московскихъ студентовъ въ Варшавѣ.—Графъ Ө. Ө. Бергъ.—Анекдотъ о немъ.—А. И. Кошелевъ.

II.

ВЪ МОЮ ДѢТСКУЮ память особенно врѣзался, тяжелый во всѣхъ отношеніяхъ, 1848 годъ. Была сильнѣйшая холера. Мимо нашихъ оконъ безпрерывно носили покойниковъ; въ одной нашей деревнѣ умерло отъ холеры до 90 человѣкъ. По улицамъ Москвы, по случаю Венгерской кампаніи, тянулись войска, чтобы проливать кровь за чуждые для насъ интересы. Кромѣ этого, случилась исторія Петрашевскаго, въ сущности ребяческая выходка, но ее раздули и возвели въ заговоръ, благодаря смутамъ на Западѣ—во Франціи и Германіи. Виновики исторіи были строго наказаны. Много было арестовъ и въ Москвѣ, куда на мѣсто кн. Щербатова присланъ былъ гр. Закревскій; подозрѣвали почему-то крамолу именно въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 349.

Москвѣ. Впрочемъ, гр. Закревскій болѣе преслѣдовалъ славянофиловъ, брилъ бороды, напимѣръ, у Аксакова, и т. п. Изъ знакомыхъ нашего круга былъ арестованъ Плещеевъ (поэтъ) и Н. С. Кашкинъ, бывшій съ нами въ дальнемъ родствѣ.

Про Петрашевскаго рассказывали, что онъ уговаривалъ дворниковъ не мести улицъ въ Петербургѣ, доказывая имъ равноправность ихъ съ господами. Одинъ дворникъ слушалъ, слушалъ Петрашевскаго, да какъ замахнется на него метлою...

— Ахъ ты, с..... с..., что же ты хочешь, чтобы меня въ части выдрали?—закричалъ дворникъ, и проповѣдникъ бѣжалъ отъ разгнѣваннаго блюстителя чистоты Петербургскихъ улицъ.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ гр. Строгановъ смѣнилъ гр. Закревскаго. Почувствовалось новое вѣяніе. Только что вернулись декабристы; начали прощать и Петрашевцевъ, виновныхъ въ сущности лишь въ томъ, что читали запрещенныя книги.

Между вернувшимися изъ сосланныхъ по дѣлу Петрашевскаго былъ нѣкто купецъ Шапошниковъ, который попался въ исторію, какъ куръ во щи. У него была вблизи университета, въ Петербургѣ, лавочка, гдѣ студенты покупали папиросы. Въ лавку заходилъ и Петрашевскій поболтать съ студентами. Когда разыгралась вся исторія, донесли и на Шапошникова, будто онъ зналъ Петрашевскаго. На допросѣ Шапошниковъ (въ родѣ Цебрикова) самъ на себя наболталъ, что былъ близокъ съ Петрашевскимъ, что Петрашевскій первѣющій человѣкъ и т. д. Кончилось тѣмъ, что злосчастнаго купца засадили въ арестантскія роты, а лавку его конфисковали. По возвращеніи, Шапошниковъ, оставшись безъ дѣла и состоянія, поступилъ къ Каткову въ типографію наборщикомъ. Его, какъ человѣка грамотнаго, замѣтилъ П. М. Леонтьевъ и принялъ въ немъ участіе. Узнавъ, что лавка съ товаромъ у Шапошникова пропала, что онъ виноватъ только въ томъ, что въ этой лавкѣ бывалъ и разглагольствовалъ Петрашевскій, Леонтьевъ поѣхалъ къ гр. Строганову и просилъ его, какъ генераль-губернатора, принять участіе въ разорившемся Шапошниковѣ. Графъ приказалъ Шапошникову явиться лично. Черезъ нѣсколько дней тотъ предсталъ предъ генераль-губернаторомъ.

— За что былъ сосланъ?—спросилъ его графъ.

— За то,—отвѣчалъ бойко Шапошниковъ,—что желалъ въ Россійской имперіи водворить республиканскій образъ правленія.

Графъ Строгановъ осмотрѣлъ чуйку и удивленно сказалъ:

— Что ты съ ума сошелъ? Что ты за вздоръ мелешь!

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство.

— Убирайся вонъ!

Шапошниковъ вернулся сконфуженный и рассказалъ Леонтьеву про свою неудачу. Леонтьевъ спросилъ, что онъ сказалъ графу; тотъ объяснилъ. Павелъ Михайловичъ всплеснулъ руками.

— Да ты и въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ! Самъ же толкуешь о своей невинности и такой вздоръ отвѣтилъ!

— Помилуйте,—оправдывался Шапошниковъ:—вѣдь я сколько лѣтъ былъ въ арестантскихъ ротахъ... Тамъ, всякій разъ, какъ начальство спрашивало, обязательно было отвѣчать всякому, за что онъ наказанъ. Мнѣ и было приказано отвѣчать, какъ въ сен-тенціи суда сказано. Въ теченіе многихъ лѣтъ я отвѣчалъ такъ, какъ отвѣтилъ графу, что, молъ, желалъ въ Россійской имперіи водворить республиканскій образъ правленія. Такъ начальство приказывало...

Леонтьевъ самъ поѣхалъ къ гр. Строганову и выяснилъ происхожденіе страннаго отвѣта Шапошникова. Графъ разсмѣялся и, благодаря его хлопотамъ, Шапошникову вернули сумму его конфискованнаго имущества.

Въ 1849 году мать моя вышла вторымъ бракомъ замужъ за барона Владиміра Михайловича фонъ-Менгденъ. Для меня, если и не началась другая жизнь, то во всякомъ случаѣ въ домѣ пошли другіе порядки. Жить было не хуже; но мы уже совсѣмъ поселились въ деревнѣ. Въ Москву ѣздили на самое короткое время. Ѣздили также къ роднымъ моего вотчима, въ Костромскую губернію. Все это меня интересовало: новыя мѣста, города, лица. Путешествіе брало много времени. Ѣхали на почтовыхъ, но, все-таки, долго: на Троицу, Ростовъ, Ярославль, Кострому, или на Владиміръ, Суздаль, Шую, Кинешму, гдѣ было имѣніе стариковъ Менгденъ.

Меня, молодого, конечно, забавляли новые города, особенно богатый край, съ богатыми селами, Шереметьевскими. Тамъ любой крестьянскій дворъ стоилъ усадьбы мелкопомѣстныхъ нашихъ помѣщиковъ, а избы были дворцами въ сравненіи съ убогими строениями Тульскихъ селеній. Народъ былъ совсѣмъ другой—богатый, смысленный, трезвый; отношенія тоже другія, особенно раскольниковъ. Они приходили къ своему помѣщику по дѣлу, но считали за грѣхъ пить или ѣсть изъ одной съ нимъ посуды, что было причиною оригинальныхъ сценъ и разговоровъ.

Старики Менгденъ, родные моего вотчима, были очень умные люди, особенно старая баронесса, урожденная Фелькерзамъ, дочь Рижскаго губернатора, барона Фелькерзама. Сестра ея была за Валуевымъ (мать министра внутреннихъ дѣлъ Валуева); она пользовалась огромнымъ уваженіемъ всего округа.

Мы часто ѣзжали, особенно лѣтомъ, къ роднымъ моей матери, дѣдушкѣ и бабушкѣ, а также къ Раевскимъ, въ Епифанскій уѣздъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія Раевскаго находится памятникъ Куликовской битвы; онъ стоитъ на землѣ, мнѣ принадлежавшей.

Въ день открытія этого памятника было торжество, на коемъ

присутствовали губернаторъ, архіерей, губернский предводитель. Съѣхались не только всѣ мѣстные помѣщики, но крестьянъ собралось нѣсколько тысячъ. Народу вообще было видимо-невидимо.

Въ народѣ уже тогда бродили разные слухи о милостяхъ, которыя будутъ оказаны; какъ, почему, въ чемъ эти милости, никто, конечно, не могъ сказать. Однако, благодаря этимъ слухамъ, торжество окончилось очень печально. Послѣ молебствія въ устроенной палаткѣ былъ сервированъ обѣдъ. Собрались туда губернаторъ, архіерей, вся знать и дворянство. Во время обѣда губернаторъ Козодавлевъ всталъ и громко провозгласилъ тостъ за здоровье государя императора. Но только что онъ вскрикнулъ «ура!», какъ толпы народа бросились на палатку, моментально свалили ее, растащили и разграбили буквально все—тарелки, ложки, посуду, серебро: ничего не осталось... Расходившіяся толпы народа успѣли разбить бочки съ виномъ. Сцена вышла самая безобразная: вино разлилось, народъ пилъ его въ лужахъ... Что могли сдѣлать нѣсколько полицейскихъ противъ тысячной толпы людей, хотя и крѣпостныхъ, но которымъ кто-то внушилъ, что царь все прислалъ для нихъ. Когда губернаторъ крикнулъ «ура!», они и подняли все, какъ называется, на ура... Сумятица была невообразимая, особенно вслѣдствіе своей неожиданности.

Это было въ 1852 году. Затѣмъ идутъ годы непопулярной Крымской кампаніи.

Никто не сочувствовалъ войнѣ; необыкновенная апатія овладѣла интеллигентнымъ обществомъ въ послѣдній годъ царствования императора Николая I. Тотчасъ послѣ смерти государя почувствовалось новое вѣяніе. Посѣщеніе императоромъ Александромъ II Севастополя коментировалось на всѣ лады. Слова государя всюду повторялись, начали поговаривать о мирѣ; чувствовалось, что мы не одолѣемъ коалиціи; дороги наши оказались совершенно непролазными. Войска шли мѣсяцами и тонули дорогою въ грязи.

Въ ополченіе никому не хотѣлось идти изъ людей нашего круга, ибо все были помѣщики съ малыми чинами, а потому никому не хотѣлось идти подъ команду разныхъ ротныхъ и дружинныхъ командировъ болѣе изъ среды такъ называемыхъ бурбоновъ (людей безъ образованія, но фронтовиковъ). Вѣсти изъ дѣйствующей арміи приходили одна хуже другой; всѣ падали духомъ; въ деревняхъ стоялъ стонъ и плачъ отъ непрерывныхъ наборовъ. Тяжелое было время, плохо жилось. Везли изъ Рязани ядра, вылитыя на заводѣ Яблочкова; они прибыли черезъ 3 мѣсяца въ Севастополь, и ни одно не годилось. Ошиблись размѣромъ.

Въ 1855 году всѣ знакомые нашего круга и общества поѣхали на выборы въ ополченіе по ужасной дорогѣ. Было начало марта, распутица полная... На знаменитой Упской Гати пришлось сидѣть въ ожиданіи перевоза, такъ какъ пошелъ ледъ, а безпорядокъ

былъ полнѣйшій, и нельзя было перебраться черезъ Упу. Пьяные перевозчики творили не вѣсть что. Безобразіе было такъ велико, что Ив. Ар. Раевскій, предводитель дворянства, своею властью, приказалъ высѣчь на берегу одного изъ главныхъ буяновъ-перевозчиковъ; только этимъ положенъ былъ конецъ безпорядку, и установленъ правильный перевозъ.

Про Унскую Гать въ тѣхъ же годахъ прошлаго столѣтія Болотовъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, какъ о чемъ-то ужасномъ, почти безпрѣздномъ, и вотъ чрезъ сто лѣтъ сообщеніе остается такое же, какъ тогда. Мостъ всегда былъ невозможный, берега топкіе. Сосѣдніе крестьяне жили особымъ промысломъ — вытаскиваніемъ экипажей изъ грязи, и получали съ проѣзжихъ хорошія деньги, такъ какъ Воронежскій трактъ, шедшій на Дѣдилово, былъ необычайно проѣзжій; въ интересахъ крестьянъ было держать дорогу въ ужасномъ видѣ...

Начальство, въ лицѣ всемогущаго тогда становаго, смотрѣло сквозь пальцы на творимое безобразіе. Лишь особому случаю мы, жители Тульской губерніи, обязаны были серьезнымъ исправленіемъ Упскаго моста и даже возведеніемъ новаго на большой Воронежской проѣзжей дорогѣ. Шахъ персидскій подарилъ государю нашему какого-то удивительнаго, огромнаго слона, котораго, со всякими предосторожностями, и вели въ Петербургъ, направляясь на Воронежъ и Тулу. Дошедши до моста Упской Гати, слонъ поставилъ было одну ногу на мостъ, но, учуявъ инстинктивно ветхость и непрочность моста, рѣшительно отказался ввѣрить свою особу утлымъ доскамъ Упскаго моста и круто повернулъ назадъ. Какъ корнакъ его ни попукалъ, слонъ былъ непоколебимъ. Земская полиція встревожилась, какъ бы подобный скандалъ не достигъ до Петербурга, и пришлось дѣлать новую настилку. Губернаторъ Дараганъ распекъ дорожный комитетъ и велѣлъ составить смѣту новаго моста. Когда перемѣнили настилку, слонъ спокойно перешелъ мостъ. Послѣ этого случая перестроили и весь мостъ. Такъ на Руси часто совершенно постороннее вліяніе даетъ возможность осуществить то или другое предпріятіе или дѣло, которое тормозятъ прямо-таки изъ личныхъ или иныхъ цѣлей. Во время проведенія первыхъ телеграфныхъ линій, всѣ значительные города хлопотали о томъ, чтобы правительство устраивало станціи у нихъ. Такъ же, въ началѣ 1860-хъ годовъ, к—ой губернаторъ затѣялъ театръ и послалъ подписку на это во всѣ значительные, коммерческіе центры губерніи. Самый богатый уѣздъ Кинешемскій, съ массою фабрикъ, хлопоталъ объ устройствѣ у себя телеграфной станціи. Подписка на театръ также была отправлена въ Кинешму съ расчетомъ получить хотя бы 10.000 рублей на сей предметъ отъ купцевъ-милліонеровъ. Но подписка совершенно неожиданно потерпѣла полное фіаско: купцы не дали ни единой копейки. Въ свою очередь и телеграфная станція была устроена не

въ Кинешмѣ, а въ Нерехтѣ, вдали отъ фабрикъ и заводовъ. Купцы взвыли и обратились къ одному нашему родственнику, барону М., дипломату, только что прибывшему изъ-за границы гостить въ Кинешемскій уѣздъ. Купцы къ нему: «Батюшка, помоги, обездолили насъ!»—«Отчего же вы не дали на театр?» — «Да мы не только 10.000, мы больше бы дали губернатору на благотворительность, да не на театр; этого не можемъ: мы всѣ старообрядцы, считаемъ за грѣхъ!». Баронъ М., узнавъ, что кн. Орловъ, тогда посланникъ въ Брюссель, находится въ Петербургѣ, написалъ ему обо всемъ. Князь Орловъ поѣхалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ вняли его вѣскимъ доводамъ, и, къ великому удивленію мѣстной администраціи, изъ Петербурга было приказано: открыть телеграфную станцію въ Кинешмѣ.

Уже въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, въ средѣ интеллигентныхъ людей все болѣе и болѣе развивалась мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Къ тому же отношенія помѣщиковъ, особенно мелкопомѣстныхъ, все болѣе усложнялись; все чаще и чаще возникали процессы объ убійствѣ крѣпостными своихъ помѣщиковъ. Крупныя состоянія дѣлились на мелкія; разные чиновники, при первой возможности, покупали себѣ имѣнія и крѣпостныхъ, которыхъ заваливали работою...

Я помню хорошо крѣпостное право, во всей его силѣ. Вотъ ужъ именно—«свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Какъ тяжело жилось всѣмъ... Лучшій помѣщикъ не былъ гарантированъ въ томъ, что его приказчикъ, или староста, не дѣлаетъ Богъ вѣсть чего у него съ народомъ; вѣчныя жалобы, вѣчное нытье!.. Масса дворовыхъ ничего, въ сущности, не дѣлала и только плодила толпу ту-неядцевъ. Положеніе для крѣпостныхъ было невозможное, для интеллигентныхъ людей—такъ же!.. Откупщики спаивали народъ не виномъ, а какою-то отравою... Невозможность положенія чувствовалась во всемъ.

Въ это время въ западныхъ губерніяхъ вводились уже инвентари.

Въ 1848 г. въ Тулѣ группа помѣщиковъ пришла къ заключенію о необходимости улучшить бытъ крестьянъ. Группѣ этой разрѣшено было написать Положеніе только для ихъ собственныхъ крестьянъ, что и было начато. Въ Тулѣ, въ одной изъ гостинницъ, именно въ Петербургской, собирались нѣкоторые помѣщики и писали Положеніе объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ. Къ группѣ этихъ господъ принадлежали: графъ В. А. Бобринскій, И. А. и В. А. Раевскіе, М. Д. Бибииковъ, князья Владиміръ и Константинъ Черкасскіе, Муравьевъ и еще нѣсколько лицъ. Еще Положеніе не было готово, какъ разразилась въ Петербургѣ исторія Петрашевскаго. Немедленно было повелѣно: закрыть комитетъ въ Тулѣ, а лицамъ, пишущимъ проектъ освобожденія для своихъ крестьянъ, прекратить эти занятія. Графъ В. А. Бобринскій хотѣлъ было протесто-

вать; но ему губернаторъ Муравьевъ повторилъ повелѣніе, и графъ, хотя недовольный, выѣхалъ изъ Тулы.

Графъ В. А. Бобринскій былъ большой оригиналъ и, недовольный всѣми порядками, постоянно фрондировалъ. Онъ тогда все бранилъ дворянство; а когда въ 1858 г. начались дѣятельныя работы по проекту освобожденія, графъ началъ говорить, что ограбили дворянъ, и сталъ на сторону крѣпостниковъ, бывшихъ противъ освобожденія крестьянъ.

Я уже выше сказалъ, что въ гостиной моей матери можно было встрѣтить цвѣтъ тогдашней интеллигенціи. Чаше другихъ бывалъ у насъ князь Владиміръ Черкасскій, почему я его хорошо помню. Въ 1848 году онъ былъ душею комитета, занятаго освобожденіемъ своихъ крестьянъ. Когда въ томъ же году всѣ члены разошлись изъ Тулы, князь Черкасскій одинъ остался, повидимому, вѣрнымъ своему принципу. Онъ тогда же заявилъ, что задуманное дѣло будетъ проводить у себя въ имѣніи, что всякій, внесшій за себя сто рублей, т. е. стоимость выкупа «души» изъ Опекунскаго Совѣта, можетъ считать себя свободнымъ. Многіе дворовые воспользовались этимъ правомъ и купили себѣ свободу. Мнѣ очень памятенъ одинъ пріѣздъ князя къ намъ въ деревню. Садясь обѣдать, князь сказалъ:

— Вотъ результаты моихъ нововведеній: поваръ мой учился въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ и только что кончилъ учиться, пріѣхалъ и вручилъ мнѣ сто рублей за себя выкупа! Вотъ я и безъ повара теперъ.

Такъ же и крестьяне нѣкоторыхъ деревень (Пригори и Клинь, Веневского уѣзда) князя Владиміра Александровича купили себѣ личную свободу, а землю нанимали у князя.

Въ уѣздѣ помѣщики были недовольны; они говорили, что князь В. А. Черкасскій либеральничаетъ, что это ни на что не похоже, что это ужасный примѣръ и пр. Когда же, чрезъ 12 лѣтъ, въ 1861 году, правительство освободило всѣхъ крестьянъ, тѣ же помѣщики опять стали ругать князя, говоря, что все это онъ предвидѣлъ (за 12-то лѣтъ!?), что онъ оттого и либеральничаетъ, что самъ своихъ людей раньше освободилъ безъ земли. И то, и другое не вѣрно. Хотя князь и предложилъ идти всѣмъ на волю, вышли у него всего двѣ или три деревни, остальные не захотѣли; изъ этого видно, что имъ не особенно худо жилось у князя. Затѣмъ, въ 1861 г., когда была объявлена воля, князь предложилъ своимъ, ранѣе откупившимся, крестьянамъ воспользоваться землею; затрудненіе было не со стороны князя, а скорѣе — правительства, относительно выкупа. Мнѣ это близко было извѣстно, ибо одно мое имѣніе было въ участкѣ князя Черкасскаго, когда онъ былъ мировымъ посредникомъ, въ Веневскомъ уѣздѣ, послѣ обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года (коего онъ и былъ отчасти

авторомъ, съ Ю. О. Самаринымъ и Н. А. Милутинымъ). Къ тому же князь Владиміръ Александровичъ былъ моимъ попечителемъ; не имѣя отца, котораго, какъ я уже сказалъ, я лишился въ годъ моего рожденія, я избралъ князя моимъ попечителемъ. И поэтому мнѣ, еще студентомъ, пришлось писать уставныя грамоты подъ его руководствомъ и съ его санкціи.

Князь, преслѣдовавшій мысль объ освобожденіи еще со дня выхода изъ университета, принялъ, конечно, главное участіе въ вопросѣ объ освобожденіи, вмѣстѣ съ Ю. О. Самаринымъ, когда вопросъ этотъ вступилъ на официальную почву. Въ 1858 г. былъ собранъ комитетъ по вопросу освобожденія.

Князь В. А. Черкасскій принадлежалъ къ московскому славянофильскому кружку и былъ близокъ къ братьямъ Аксаковымъ, Самарину, А. С. Хомякову и др. Онъ принадлежалъ къ той плеядѣ славныхъ, которые составляли прелесть московскаго передоваго общества 1840-хъ и 1850-хъ годовъ. Князь былъ магистръ Московскаго университета и готовился къ одной изъ кафедръ юридическаго факультета. Но обстоятельства сложились иначе: онъ сталъ общественнымъ дѣятелемъ и, главное, администраторомъ. Онъ принималъ горячее участіе въ изданіи «Русской Бесѣды» и редактировалъ, или завѣдывалъ, ея политическимъ отдѣломъ. Его занятія по вопросу объ освобожденіи крестьянъ не могли не обратить на него вниманія общества и правительства. Когда начались работы въ губернскихъ комитетахъ, князь Черкасскій назначенъ былъ членомъ, совмѣстно съ П. О. Самаринымъ, въ Тульскій губернский комитетъ отъ правительства.

Какъ Черкасскій, такъ и Самаринъ принадлежали къ вышеупомянутому кружку русской интеллигенціи. Но вѣдь не всѣ въ Россіи раздѣляли этотъ взглядъ на освобожденіе, и какъ никто не пророкъ дома, такъ было и съ Черкасскимъ. Не было небылицы, которой бы про него не говорили: и что онъ продалъ дворянъ, и что идетъ противъ дворянъ, ибо освободилъ своихъ крестьянъ давно, и т. д.

Мы проводили зиму 1858—1859 г. въ Тулѣ, такъ какъ вотчимъ мой попалъ въ Тульскій комитетъ по выбору. Зима эта была крайне интересна, ибо въ Тулѣ постоянными гостями нашими были: братья Самарины, Левъ и Сергѣй Толстые, Григоровичъ, Васильчиковы, А. С. Хомяковъ, Тургеневъ и многіе другіе, въ томъ числѣ князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій, будущій эмигрантъ.

Визитъ князя П. В. Долгорукаго особенно мнѣ памятенъ, потому что, не заставъ моего вотчима дома, онъ долго бесѣдовалъ со мною, вспоминая про моего дѣда (grand oncle), декабриста, Евгенія Оболенскаго.

— Его мемуары, писанные въ Сибири, такъ же интересны, какъ Сильвіо Пелико, писанные въ Венеціи sous les plombs; у меня они были въ рукахъ,—прибавилъ князь.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Тулы (князь былъ тульскій помѣщикъ) онъ эмигрировалъ и сталъ издавать «Будущность», журналъ, за-прещенный въ Россіи; къ великому неудовольствію князя Евгенія Петровича Оболенскаго тамъ напечатаны были отрывки изъ его записокъ. Это было тѣмъ болѣе непріятно, что не прошло еще трехъ лѣтъ, какъ декабристы, въ томъ числѣ и князь Е. Оболенскій, были возвращены, а въ запискахъ говорились вещи, оглашеніе коихъ не могло быть пріятно въ то время, когда князь Евгеній Петровичъ былъ еще живъ. Князь П. В. Долгорукій былъ человѣкъ страшно вспыльчивый; во время выборовъ въ Чернскомъ уѣздѣ въ 1858 г. чуть не до драки доходило между дворянами, вслѣдствіе расхлотившихся страстей...

Тульскій комитетъ состоялъ изъ 24 членовъ по выбору, по два отъ каждаго уѣзда, и двухъ членовъ отъ правительства. Комитетъ собирался подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, тогда Арсеньева, человѣка честнаго, но безхарактернаго, который хотѣлъ угодить и партіи, бывшей за освобожденіе, и партіи, шедшей противъ. Тульскій комитетъ сразу раздѣлился на двѣ партіи: большинство не желало освобожденія крестьянъ съ землею. Во главѣ этого большинства стоялъ чернскій предводитель Мининъ. Во главѣ же меньшинства, желавшаго надѣлить крестьянъ землею, были — князь В. А. Черкасскій и П. О. Самаринъ. Засѣданія происходили въ малой залѣ Тульскаго дворянскаго собранія. Взгляды помѣщиковъ на обсуждавшійся вопросъ и ихъ отношенія были до того различны и такъ обострились, что совмѣстное составленіе одного проекта стало невозможнымъ. Каждая партія писала свой проектъ отдѣльно, такъ что къ шестимѣсячному сроку, времени, данному для написанія проекта, появились два проекта. Большинство составило проектъ, совершенно неудобноисполнимый и не улучшавшій быта крестьянъ. А меньшинство тотъ, который легъ въ основаніе будущаго Положенія 19-го февраля 1861 года; лишь надѣлъ земли былъ нѣсколько меньше, чѣмъ принято послѣ; затѣмъ предполагалась вотчинная полиція. Главными составителями проекта были, конечно, князь В. А. Черкасскій и братья Самарины.

Самая зима прошла не только интересно, но и бурно. Дворянскіе выборы 1858 г. были чрезвычайно многочисленны и шумны. Стѣхалась масса дворянъ. Всѣ были, конечно, очень возбуждены; часть не вѣрила еще въ возможность осуществленія эмансипаціи. Эта часть злилась на меньшинство комитета, особенно на князя Черкаскаго, за то, что онъ такъ энергично проводилъ мысль объ освобожденіи, да еще хотѣлъ надѣлить крестьянъ землею. Нападки на князя Черкаскаго были страшныя; дворянство требовало, чтобы его вывели изъ залы собранія, исключили изъ собранія. Къ этому еще прибавилось то, что Аксаковъ въ издаваемомъ имъ журналѣ сказалъ, что стыдно нападать на Черкаскаго, который борется

съ грубымъ невѣжествомъ; это подлило масла въ огонь. Шумъ въ собраніи былъ невообразимый. Нѣсколько уѣздовъ, имѣвшихъ своими представителями депутатовъ меньшинства въ комитетѣ, заступились за Черкаскаго и протестовали противъ требованія объ исключеніи князя изъ собранія. Протестъ этотъ выразился выходомъ изъ залы тѣхъ уѣздовъ въ полномъ составѣ. Къ тому же, самъ губернский предводитель Арсеньевъ вынужденъ былъ удалиться, не имѣя возможности вести пренія. Съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ не могъ продолжать предсѣдательства до конца выборовъ, тѣмъ болѣе, что его неувѣренность, его желаніе угодить обѣимъ партіямъ, лишили его поддержки и той, и другой. Онъ временно былъ замѣненъ тульскимъ уѣзднымъ предводителемъ, В. К. Корковичемъ, предсѣдательствовавшимъ до конца собранія. Затѣмъ выбранъ былъ губернскимъ предводителемъ В. П. Мининъ, который много лѣтъ потомъ предводительствовалъ тульскимъ дворянствомъ.

Изъ всего этого шума въ тульскомъ собраніи, конечно, ничего не вышло. Губернаторъ Дараганъ вызвалъ всѣхъ предводителей и въ длинной рѣчи высказалъ имъ, на сколько въ Петербургѣ недовольны ходомъ выборовъ, и что, если умы не успокоятся, то собраніе будетъ закрыто. Послѣ этого стало тише, хотя постоянно шикали, когда говорилъ членъ меньшинства, какъ Ив. Ал. Пушкинъ, или мой вотчимъ, баронъ Менгденъ.

Отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ продолжали быть на столько натянутыми, что ежедневно ожидалось столкновенія. Члены большинства только и искали случая оскорбить словами князя Черкаскаго, что и случилось, такъ что князь Черкасскій вынужденъ былъ вызвать на дуэль каширскаго предводителя Волоцкаго. Дуэль должна была состояться, часъ и мѣсто были назначены; но П. Θ. Самарину удалось заставить противниковъ пойти на примиреніе. Такъ какъ непріятный разговоръ, бывшій причиною вызова, имѣлъ чисто дѣловой характеръ, касаясь вопросовъ эмансипаціи, то противники склонились къ тому, чтобы обмѣняться записками, гдѣ высказывалось, что обѣ стороны не хотѣли оскорбить другъ друга.

У моего вотчима была большая квартира; поэтому у насъ въ домъ чаще всего собирались члены меньшинства комитета; а раза два, три и весь комитетъ. Типы были крайне интересны. Въ числѣ членовъ меньшинства бывали уже названные мною: кн. В. А. Черкасскій, П. Θ. Самаринъ, затѣмъ—баронъ В. М. фонъ-Менгденъ, И. А. Пушкинъ, М. Д. Бибиловъ, М. А. Тихменевъ, Л. Л. Карбоньеръ, баронъ И. И. Черкасовъ и Н. А. Елагинъ (братъ Кирѣевскихъ), еще А. А. Ушаковъ, который, однако, подъ конецъ перешелъ къ большинству: надѣленіе землею крестьянъ не входило въ его расчеты.

Князя Владиміра Александровича я видалъ ежедневно. Иногда мнѣ приходилось, во время спѣшныхъ работъ, переписывать проекты меньшинства и раза два подѣ диктовку князя, у насъ въ домѣ, гдѣ нерѣдко шли пренія по различнымъ статьямъ проекта. Тогда же князь составилъ проектъ земельного банка, осуществленіе коего было бы, конечно, благотѣніемъ, ибо многихъ избавило бы отъ разоренія, а Россію отъ золотого займа. Тогда еще, въ 1858 году, возможенъ былъ расчетъ на кредитную валюту, а не на золотую монету, какъ впослѣдствіи, когда помѣщеніе закладныхъ листовъ лишь золотыхъ, то-есть металлическихъ, стало возможно; бумажкѣ не вѣрили... и кредитныхъ закладныхъ листовъ впослѣдствіи за границую не брали и дома нельзя было ихъ реализовать.

Часть членовъ комитетскаго меньшинства были впослѣдствіи не только дѣятелями по крестьянскому дѣлу и вводу Положенія, но многіе изъ нихъ, съ кн. Черкасскимъ, поѣхали въ Польшу и тамъ служили тому же дѣлу освобожденія польскихъ крестьянъ и надѣленія ихъ землею...

По окончаніи дѣлъ тульского комитета, князь В. А. Черкасскій былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ редакціонныхъ коммисіяхъ по освобожденію крестьянъ. Тамъ роль князя стала уже очень видною. Онъ и Ю. Ѳ. Самаринъ съ Н. А. Милютинымъ становятся, такъ сказать, руководителями всего дѣла подѣ прелѣдательствомъ Я. И. Ростовцева. Если тульское дворянство относилось враждебно къ кн. Черкасскому, то тѣмъ паче Петербургъ возненавидѣлъ его. Его всегда звали «архи-краснымъ». Если бы не великая княгиня Елена Павловна, принявшая его подѣ свое покровительство и предложившая князю даже помѣщеніе въ своемъ дворцѣ, ему пришлось бы плохо въ Петербургѣ. Озлобленіе было такъ велико, что, когда П. А. Васильчиковъ, шурина князя, женился на гр. Орловой-Давыдовой, то графъ Вл. Петр. Орловъ-Давыдовъ не рѣшился позвать кн. Владиміра Александровича, близкаго родственника своего будущаго зятя, на свадьбу. Вся аристократія была противъ него¹⁾. То же было относительно Н. А. Милютина, если еще не больше. Впослѣдствіи это такъ усилилось, что на балѣ-маскарадѣ у великой княгини Елены Павловны одна маска подошла и сказала Н. А. Милютину: «Марать! я желала бы быть Шарлотою Корде, чтобы тебя зарѣзать!»,—на что Милютинъ очень хладнокровно отвѣчалъ: «Совсѣмъ нѣтъ, чтобы меня видѣть въ ваннѣ». (Извѣстно, что Марата зарѣзала Шарлота Корде въ ваннѣ).

¹⁾ Графъ С. Г. Строгоновъ обратился къ Черкасскому, говоря, что еще освобожденіе не наступило, а у него, графа, уже 90.000 рублей недоимки оброка за мужиками.—Это очень мало,—отвѣчалъ князь Черкасскій:—это все равно, еслибъ у меня было 900 рублей, ибо при тысячѣ душъ у меня всегда больше, а у васъ, графъ, сто тысячъ душъ.

Труды редакціонной комиссіи слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться; къ тому же Н. П. Семеновъ напечаталъ подробное о нихъ изслѣдованіе. Вызванные отъ всѣхъ губерній депутаты ничего ровно не сдѣлали, такъ же и второй ихъ призывъ. Имъ не дали даже, такъ сказать, высказаться, хотя голосъ у нихъ и былъ совѣщательный, но онъ былъ голосъ «вопіющаго въ пустынь».

Князь Черкасскій еще потому игралъ видную роль въ редакціонной комиссіи, что лучше другихъ зналъ тогдашнее положеніе крестьянъ, ихъ отношеніе къ помѣщикамъ и вообще ихъ быть не только въ Великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ самъ былъ помѣщикомъ, но и въ Малороссіи, гдѣ имѣлъ возможность, благодаря великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, изучать въ Карловкѣ любимое имъ дѣло, а также живя въ херсонскихъ имѣніяхъ В. Кромѣ того, владѣя хорошо языками, князь былъ кладомъ для комиссіи въ этомъ отношеніи, ибо аристократическая партія ничѣмъ не стѣснялась въ своей враждѣ противъ воротилъ въ редакціонной комиссіи и даже выставила противъ нихъ европейскія знаменитости, которыя являлись въ это время въ Петербургъ трактовать о правѣ собственности. Въ числѣ ихъ былъ, если не ошибаюсь, извѣстный Молинари. Онъ доказывалъ, что надѣленіе землею крестьянъ въ ущербъ владѣльцевъ-собственниковъ и экспроприація въ силу выкупа крестьянскихъ надѣловъ есть прямое нарушеніе права собственности; онъ доказывалъ еще, что это не согласно съ законами политической экономіи и т. д. Въ публичномъ засѣданіи князь Черкасскій возражалъ ему пофранцузски и, владѣя мастерски языкомъ, по общему отзыву даже враговъ князя, разбилъ его окончательно, основываясь на вполнѣ русскихъ правовыхъ и бытовыхъ доводахъ. Европейскій экономистъ, выходя изъ засѣданія и обтирая лившійся со лба потъ, не могъ не сознаться, что онъ разбитъ вдребезги доводами князя Черкаскаго. «Je suis batu à plate couture»,—вотъ подлинное его выраженіе, сказанное лицамъ, думавшимъ поздравить съ успѣхомъ.

Въ редакціонной комиссіи было много умныхъ людей, но всѣ были болѣе или менѣе чиновниками, почему практическія знанія и опытность князя Черкаскаго брали верхъ. Значеніе его еще болѣе увеличилось, когда на одномъ балѣ, увидя его, государь Александръ II около часа бесѣдовалъ съ нимъ.

Въ 1860 году мы имѣли полную возможность слѣдить за ходомъ крестьянскаго дѣла въ Петербургѣ, благодаря князю Черкасскому; онъ высылалъ моему вотчиму журналы редакціонной комиссіи. Смерть Ростовцева и назначеніе графа В. Н. Панина, какъ извѣстнаго крѣпостника, на его мѣсто были не особенно пріятны партіи освобожденія. Бывая въ обоихъ лагеряхъ, мнѣ приходилось постоянно слышать въ аристократическихъ кружкахъ о томъ, что дѣло эмансипаціи отлагается, олагодаря панину, надолго.

Члены редакціонной комиссіи, впрочемъ, не замедлили поста-

вить графа В. Н. Панина, хотѣвшаго обращаться съ ними, какъ съ новичками, на надлежащее мѣсто. Графъ Панинъ заставилъ было нѣкоторыхъ долго ждать въ пріемной у себя. Князь Черкасскій услышалъ про это и, пріѣхавъ проситься въ отпускъ въ Тулу, вызвалъ камердинера графа Панина, нѣмца, и сказалъ ему, вынимая часы:

— Передайте, прошу васъ, графу, что у меня только пять минутъ свободнаго времени и, если меня не примутъ сейчасъ, я уѣду.

Камердинеръ, не привыкшій къ подобнымъ рѣчамъ, опрометью побѣжалъ, и къ князю Черкасскому немедленно вышелъ удивленный графъ Викторъ Никитичъ, тоже не привыкшій къ такому требованію вѣжливости. Графъ Панинъ, любившій цвѣты, обратился къ князю съ вопросомъ, указывая на геліотропъ:

— Не правда ли, какой прелестный цвѣтокъ? Вы, вѣроятно, любите цвѣты?

— Терпѣть не могу,—холодно отвѣчалъ князь Черкасскій.

— Какое странное явленіе, чтобы образованные люди не любили цвѣтовъ!—еще болѣе удивился Панинъ.

Князь Черкасскій въ короткихъ словахъ переговорилъ о дѣлѣ и немедленно уѣхалъ.

Графу Панину положеніе 19-го февраля 1861 г. обязано статьей объ отрѣзкѣ одной трети надѣла у крестьянъ въ пользу помѣщика, если до обнародованія положенія вся земля была въ пользованіи крестьянъ и если у помѣщика нѣтъ болѣе въ 12 верстахъ другого имѣнія (даже если отрѣзка оставляла крестьянамъ земли меньше указаннаго закономъ количества). Статью эту и назвали послѣ Панинской. У графа Виктора Никитича было много имѣній малоземельныхъ въ 16 и 20 верстахъ другъ отъ друга; крестьяне пользовались всею землею, платя графу оброкъ. При этой статьѣ оставалось одна треть земель, а крестьяне получали уменьшенный надѣлъ.

Изъ работъ редакціонной коммисіи выяснялось все болѣе, что крестьяне будутъ надѣлены землею, вслѣдствіе чего сторонники личнаго освобожденія стали уклоняться отъ участія въ преніяхъ коммисіи, указывая, что тамъ дѣйствуютъ по предвзятой цѣли. Трудъ коммисіи клонился къ концу, не смотря на то, что графъ Панинъ тормозилъ дѣло. Выработанный проектъ былъ переданъ въ государственный совѣтъ; а тамъ началась серія засѣданій подъ предсѣдательствомъ государя императора Александра II. Большинство государственнаго совѣта было противъ проекта, который вошелъ въ положеніе 19-го февраля 1861 года, такъ что государь былъ постоянно въ меньшинствѣ двухъ или трехъ голосовъ, съ коими и соглашался. Во время преній постоянно за проектъ былъ графъ Серг. Гр. Строгановъ, а противъ говорилъ графъ Адлербергъ; а при голосованіи выходило, наоборотъ: графъ Строгановъ голосовалъ противъ проекта освобожденія, а графъ Адлербергъ

не рѣшался голосовать противъ, зная, что государь за. Когда потомъ спрашивали графа Строгонова, почему онъ голосуетъ противъ проекта, которому онъ, какъ гуманный человѣкъ, сочувствуетъ, то графъ, очень не довольный этими вопросами, отвѣчалъ:

— Мнѣ подъ старость не приходится ссориться съ дворянствомъ.

1860 годъ былъ самымъ тяжелымъ временемъ для помѣщиковъ, ибо много было всюду безпорядка. Князь Черкасскій и Ю. О. Самаринъ не унывали. На мой вопросъ какъ-то князю Черкасскому насчетъ того, что всюду въ Петербургѣ увѣряютъ, что дѣло освобожденія отложено въ дальній ящикъ, князь категорически отвѣтилъ:

— Не вѣрь ничему. Ежели и весь государственный совѣтъ будетъ противъ, то государь однимъ своимъ голосомъ утвердитъ выработанное положеніе редакціонной комиссіи.

Въ началѣ 1861 года Юрій Федоровичъ Самаринъ написалъ проектъ манифеста. Въ немъ особенно указывалось на жертвы, приносимыя дворянствомъ. Князь Черкасскій и Самаринъ говорили, что это необходимо для сохраненія добрыхъ отношеній между крестьянами и ихъ бывшими господами, чтобы крестьяне себя чувствовали обязанными своимъ освобожденіемъ дворянству, тѣмъ болѣе, что самый проектъ былъ написанъ и выработанъ дворянами. Но на это не согласились, въ особенности противъ проекта былъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Составленіе манифеста было поручено митрополиту Филарету, а проектъ Самаринскаго манифеста сохраняется лишь въ рукописи.

Но 19-е февраля пришлось на масляницѣ, и государя уговорили отложить объявленіе манифеста на 5-е марта. Я былъ въ Москвѣ и, не смотря на всѣ предсказанія, что будутъ безпорядки, все прошло тихо-мирно. Слушавшіе по церквамъ чтеніе манифеста, особенно въ селахъ, не поняли и половины, такъ что скорѣе было недоразумѣніе, чѣмъ радость или неудовольствіе. Не обошлось, конечно, и безъ массы анекдотовъ.

Я въ этомъ году поступалъ въ университетъ, и потому мнѣ, признаться сказать, было гораздо болѣе до экзаменовъ, чѣмъ до чего либо другаго. Помню только, что какъ-то, выходя изъ своей квартиры, я встрѣтилъ нашу прачку (крѣпостную) съ дѣтьми, которая на Тверской (и—о ужасъ—на улицѣ, при молодежи, со мной шедшей) подошла къ барской ручкѣ и со слезами спросила: «куда же я теперь воспослѣдую?». Я рѣшительно не зналъ, что ей сказать, и куда она должна воспослѣдовать. Вообще, всюду обошлось, можно сказать, болѣе или менѣе мирно, по крайней мѣрѣ, въ нашей Тульской губерніи. Но, всетаки, были командированы, съ особыми полномочіями, генералъ и флигель-адъютанты, для прінятія мѣръ чрезвычайныхъ, въ случаѣ надобности. Эти господа дѣйствительно принесли пользу тамъ, гдѣ были люди умные и понимающіе, но не вездѣ это было такъ, поэтому во многихъ мѣ-

стахъ не обошлось безъ человѣческихъ жертвъ, какъ, на примѣръ, въ Казанской губерніи и др.

Къ намъ въ Тулу былъ присланъ свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Ламбертъ. Онъ такъ же, какъ и самъ тульскій губернаторъ Дараганъ, были въ сущности люди добродушные, а главное—слушались добрыхъ совѣтовъ. Кой-гдѣ пришлось, однако, при открытіи волостей приводить войска и пускать въ ходъ розги, отъ коихъ особеннаго несчастія еще не было и которыя являлись необходимымъ устрашеніемъ.

Въ имѣніи г. Войта взбунтовались крестьяне. Гр. Ламбертъ послалъ туда роту, или батальонъ, и самъ поѣхалъ на мѣсто. По дорогѣ онъ остановился у какого-то помѣщика и въ его коляскѣ пріѣхалъ въ село, гдѣ былъ собранъ сходъ и гдѣ также ждали солдаты. Кучеръ, привезшій графа прямо къ сходу, оказался изъ той же деревни; отѣхавъ, онъ сталъ за толпою крестьянъ, къ которымъ графъ обратился съ рѣчью, и началъ подговаривать крестьянъ не слушать графа.—«Не отъ царя онъ,—толковалъ кучеръ съ козелъ:—это переодѣтый жандармъ, я его везъ, онъ въ сосѣдней рощѣ переодѣлся генераломъ» и т. д. На бѣду кучера, графъ Ламбертъ забылъ носовой платокъ въ пальто и послалъ станового взять забытую вещь. Подходя къ коляскѣ сзади, не замѣченный кучеромъ, становой услыхалъ рѣчь его къ крестьянамъ и побѣждалъ къ графу Ламберту сообщить, что ему не удастся уговорить крестьянъ, ибо кучеръ вотъ что проповѣдуетъ мужикамъ. Графъ велѣлъ солдатамъ немедленно снять съ козелъ кучера, котораго и притащили.

— Вотъ тебѣ рубль за ѣзду, а за твои рѣчи я тебя передъ сходкой выпорю!

И тутъ же велѣлъ разложить и жестоко высѣкъ его. Наказаніе такъ подѣйствовало, что сходъ на колѣняхъ просилъ прощенія, и немедленно порядокъ и повиновеніе были водворены.

Но подобныхъ случаевъ въ губерніи было немного. Для Тульской губерніи было большое счастье, что губернаторъ Дараганъ былъ гуманенъ, иначе не обошлось бы безъ несчастій. Помѣщики были страшно возбуждены; всякое малѣйшее неповиновеніе или нерадивое исполненіе работъ они признавали за бунтъ и раздували. Но иногда столкновенія прямо таки истекали изъ прежнихъ патріархальныхъ отношеній. Такъ, на примѣръ, у насъ во вѣки вѣковъ крестьяне гоняли свою скотину по господскимъ парамъ. Мой нѣмецъ управляющій усмотрѣлъ въ этомъ грубое нарушеніе правъ, и началось пѣлое дѣло. А между тѣмъ старики-крестьяне явились ко мнѣ, и мы, переговоривъ, пришли къ мирному соглашенію: «отчего намъ не гонять скотину, когда всегда гоняли и работали, и теперь будемъ гонять и работать». Конечно, для стариковъ, привыкшихъ къ раболѣпству и безпрекословному повиновенію, тяжело было видѣть, что то и другое дѣлалось не попрежнему. Многіе не

пережили этого времени; но людямъ сороковыхъ годовъ и особенно молодому поколѣнію открылась новая блестящая дѣятельность. Все, что только было способнаго и развитаго, пошло въ мировые посредники; изъ предводителей уѣздныхъ и губернскихъ шли въ посредники, почему первый призывъ и былъ такъ хорошъ. Вотчимъ мой былъ назначенъ членомъ тульского губернскаго присутствія и пріѣхалъ жить на зиму въ Тулу, а князь В. А. Черкасскій былъ мировымъ посредникомъ въ Веневскомъ уѣздѣ... Уѣздъ этотъ отличался, въ самомъ дѣлѣ, составомъ мировыхъ посредниковъ: князь Е. А. Черкасскій былъ предсѣдателемъ мирового съѣзда, какъ предводитель дворянства, посредниками — братъ его князь Вл. Алекс. Черкасскій, князь Д. О. Шаховской, Левъ Ник. Волковъ, П. Сем. Ржевскій—все люди, изъ ряду вонъ выходящіе по своему уму и образованію.

Какъ я уже выше сказалъ, князь Вл. Черкасскій былъ моимъ попечителемъ и мировымъ посредникомъ по моему Веневскому имѣнію. Все, что князь Вл. Ал. Черкасскій вообще дѣлалъ, онъ дѣлалъ удивительно умно, поэтому и посредникомъ былъ замѣчательнымъ. Работы въ редакціонной комиссіи сильно потрясли его здоровье, и ему докторами предписано было отдохнуть въ деревнѣ и пить минеральныя воды. Послѣднее онъ и дѣлалъ, но все же былъ занятъ дѣлами своего участка. Съѣзды мировые въ Веневѣ представляли большой интересъ, и, какъ веневскій помѣщикъ, хотя и студентъ, я просто иногда ѣздилъ, интереса ради, посмотрѣть, какъ идетъ новое дѣло. Въ Веневѣ я останавливался у князя Е. Черкаскаго, гдѣ утромъ, передъ и послѣ мирового съѣзда, съѣзжались помѣщики и посредники. Душею дѣла былъ, конечно, князь Вл. Ал., который утромъ еще диктовалъ своему секретарю доклады къ съѣзду или редактировалъ журналы вчерашняго съѣзда въ окончательной формѣ. Журналы тѣхъ съѣздовъ были бы интересны и теперь, если бы можно было ихъ извлечь изъ архивной пыли 1860-хъ годовъ.

Еще собирались въ Веневѣ у зятя губернатора Дарагана, Владимира Николаевича Веревкина; онъ командовалъ Екатеринбургскимъ полкомъ, который стоялъ въ Веневѣ. Веревкинъ былъ женатъ на красавицѣ Ел. Пет. Дараганъ. Самъ Владиміръ Николаевичъ Веревкинъ (нынѣ комендантъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ) былъ молодъ, герой Севастополя, любезный хозяинъ, хлѣбосоль, такъ что у него бывало превесело, и опять таки цвѣтъ мѣстнаго общества обѣдалъ и весело проводилъ время послѣ мирового съѣзда, особенно, когда полковой командиръ въ садѣ при своемъ домѣ, который онъ построилъ въ центрѣ города, приглашалъ полковую музыку.

Лѣто проходило въ усиленныхъ занятіяхъ по устройству отношеній съ крестьянами, въ писаніи уставныхъ грамотъ. У меня, бла-

годаря добрымъ отношеніямъ съ крестьянами, все обошлось благополучно, и не было ни одного серьезнаго столкловенія, напротивъ все составилось по добровольному соглашенію. Въ веневскихъ деревняхъ князь Вл. А. Черкасскій мнѣ, конечно, помогъ въ этомъ. Онъ прожилъ, при введеніи грамоты, у меня трое сутокъ съ землемѣромъ; согласилъ крестьянъ между собою, такъ какъ была чрезполосица между деревнями, и также согласилъ меня съ крестьянами. Его авторитетъ и довѣріе, коимъ онъ пользовался, а также знаніе крестьянина были, конечно, главными двигателями въ этихъ случаяхъ. Вотъ примѣръ: надо было одной деревнѣ взять участокъ земли у другой, а крестьянамъ этого не хотѣлось. Пошли дѣлать осмотръ; крестьяне, которымъ приходилось брать землю, увѣряли, что она плоха. Мы шли полемъ, за нами толпа крестьянъ. Вдругъ князь Черкасскій остановился и, показывая вдаль, спросилъ сельскаго старосту:

— Что это растеть вонъ на той десятинѣ?

— Чечевица, ваше сіятельство,—отвѣтилъ староста.

Князь разсердился и началъ, къ моему удивленію, ругать старосту.

— Что растеть?—громко повторилъ князь.

— Виновать, ошибся,—промолвилъ староста:—горохъ.

— Не ошибся, а совралъ; ты думаешь, я не понимаю, что горохъ растеть на лучшей землѣ, а чечевица на плохой! Нечего и толковать, земля прекрасная, берите ее,—обратился князь къ крестьянамъ:—а тебя, староста, ежели ты еще разъ соврешь, я на семь дней посажу подъ арестъ, да и смѣню; ты разбиваешь дѣло.

Крестьяне такъ были поражены этимъ незначительнымъ эпизодомъ, что, вернувшись въ усадьбу, не поднимали больше разговора, что земля плоха.

Писаніе уставной грамоты задержало меня въ деревнѣ, такъ что мнѣ не пришлось во время пріѣхать къ слушанію лекцій, и этимъ я избѣгъ участія въ университетскихъ исторіяхъ 1861 года, столь прискорбныхъ. Уже въ 1860 году среди студентовъ началось броженіе, выражавшееся въ постоянныхъ исторіяхъ и столкновеніяхъ съ полиціей; но въ 1861 году оно достигло высшей кульминаціонной точки. Всѣ стремленія къ упорядоченію отношеній къ университетскому начальству не пошли въ прокъ, и студенты отравились на могилу Грановскаго и сожгли тамъ матрикулы, недавно введенные. Мое мнѣніе тогда же было, что это чисто польское дѣло, а не русское. Особенно на медицинскомъ факультетѣ была масса поляковъ: они-то и подбили нашихъ — идти подавать жалобу толпою генераль-губернатору Тучкову. А на самой площади остались одни русскіе, которыхъ и побили казаки, да и народъ, коему шепнули, что это господа пришли требовать, чтобы отдали назадъ крѣпостныхъ.

Я прїѣхалъ уже въ октябрѣ и нашелъ большинство товарищей арестованными; многихъ, впрочемъ, скоро выпустили. Затѣмъ, по университетскому суду, стали многихъ исключать изъ университета. При объявленіи, уже зимою, въ февралѣ 1862 г., рѣшенія университетскаго суда, опять чуть не произошли беспорядки.

— Мы всѣ виноваты!—кричали студенты:—если исключать, такъ всѣхъ исключать!

И дѣйствительно многіе добровольно оставили Московскій университетъ и уѣхали въ Петербургъ; но и тамъ университетъ былъ закрытъ, и многіе изъ нихъ, пропатавшись безъ дѣла и занятій, не миновали своей участи—попали въ крѣпость...

Меня сильно уговаривали товарищи выйти изъ университета, но, какъ ни былъ я молодъ (мнѣ было всего 17 лѣтъ, я поступилъ въ университетъ 16), я не рѣшился. Не знаю, попалъ ли бы я въ движеніе; но судьба задержала меня съ уставными грамотами въ деревнѣ, я фактически не участвовалъ въ исторіяхъ, и вообще мнѣ не хотѣлось уходить изъ университета. Я, съ своей стороны, напротивъ, уговаривалъ многихъ остаться, доказывая имъ, что правленіе университета и власти очень будутъ рады ихъ уходу, такъ какъ всѣ знаютъ, что уходящіе теперь изъ университета главнымъ образомъ заварили кашу и что они-то главные виновники беспорядковъ. Но мы ничего не подѣлали: всякій остался при своемъ убѣжденіи.

Несомнѣнно, что движеніе было главнымъ образомъ польское, и поляки этого не скрывали. Польское движеніе еще болѣе выяснилось въ 1862 году. Масса студентовъ уѣзжала въ Польшу и Литву и открыто заказывала оружіе въ Тулѣ подъ предлогомъ якобы охоты и вооруженія лѣсниковъ. Въ 1863 году мы видѣли многихъ студентовъ, которыхъ везли въ кунтушахъ и венгеркахъ назадъ съ театра повстанія въ ссылку, или заключеніе. Многіе были ранены, но и они дѣлали видъ, что насъ не узнаютъ. Тяжелое было время броженія. Польская молодежь вѣрила въ успѣхъ; а главнымъ образомъ на устахъ всѣхъ была фраза, что Наполеонъ III поможетъ, и всюду циркулировалъ слухъ, что крестьянъ освободили по настоянію Наполеона, что это секретный параграфъ Парижскаго договора, а что теперь Наполеонъ освободитъ Польшу и т. д. Уныніе было всеобщее, пока наконецъ не раздались могучія слова М. Н. Каткова и Аксакова, поднявшія духъ патріотизма. Москва, а за нею и провинціи заговорили, посыпались адреса, покрытые тысячами самыхъ разнообразныхъ подписей дворянъ, купцевъ, мѣщанъ, крестьянъ, вчера еще крѣпостныхъ. Эти тысячи адресовъ съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, гдѣ твердо и безъ фразъ ясно сказалась мощь народная, болѣе, чѣмъ дипломатическая нота князя Горчакова, подѣйствовали на западныя державы.

Не прошло двухъ лѣтъ, что князь В. А. Черкасскій былъ мировымъ посредникомъ, какъ его потребовали въ Петербургъ. Возстаніе въ Польшѣ наружно было подавлено, безъ нарушенія европейскихкихъ отношеній, не одними войсками, но еще болѣе выразившимся общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи и массою адресовъ, которые поддерживали въ правительствѣ силу и энергію. Интересенъ былъ адресъ изъ Веневскаго уѣзда, посланный отъ всѣхъ сословій; было болѣе 9.000 подписей! Это было первое сильное проявленіе русскаго общественнаго мнѣнія, весьма сознательнаго. Въ Веневѣ мужики толпами въ базарный день ходили его подписывать. Какъ-то, ѣдучи въ свое имѣніе, встрѣчаю сельскаго старосту на большой Каширской дорогѣ.

— Ты куда, Давидъ Петровъ?

— Въ городъ, ваше сіятельство.

— Зачѣмъ?—спрашиваю я.

— Къ рукоприкладству, насчетъ заявленія царю!

— Что такое?

— Да вотъ полякъ, слышь, забунтовалъ, потому думаетъ, что мы теперь съ господами изъ-за воли вздоримъ. Ну, такъ вотъ весь уѣздъ нашъ подписуется, что это не такъ, чтобы сумленія не было: мы домашнимъ дѣломъ разберемся, а ужъ ихъ не пожалѣемъ, всѣ пойдемъ...

Въ такомъ духѣ говорилъ Давидъ Петровъ и, признаюсь, поразили меня простотою рѣчи и яснымъ пониманіемъ дѣла, и это черезъ два года послѣ объявленія манифеста 19-го февраля 1861 года. Мнѣ очень памятна эта встрѣча, ибо тогда же говорили, что раздвали писаніе этихъ адресовъ, и т. д.

Этотъ разъ я вообще какъ-то напалъ на смышленныхъ мужиковъ.

— Разыскалъ я ваше краденое сѣно,—заявляетъ мнѣ по приѣздѣ староста другой деревни.

— Гдѣ же?

— Да въ Сосновкѣ мужики со своимъ перемѣшали, ну, да я свое узналъ, ну, и покаялись.

— Какъ же ты узналъ перемѣшанное?

— Ну, этого не расскажешь, да по примѣтамъ я наше сѣно знаю, къ тому же у нихъ луговое, а наше лѣсное, такъ разница большая.

Курьезно, но я увѣренъ, что ни одинъ нѣмецъ управляющій не узналъ бы своего сѣна, перемѣшаннаго съ чужимъ, для этого нужна смышленость русскаго мужика.

Не на шуточное дѣло былъ вызванъ князь Черкасскій въ Петербургъ. Онъ, съ своими товарищами по редакціонной комиссіи, Н. А. Милютинымъ и Ю. О. Самаринымъ, былъ посланъ въ Польшу; имъ поручено было сдѣлать въ родѣ *enquête parlementaire*, дать

заключеніе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, въ политическомъ, экономическомъ отношеніи, а главное о положеніи крестьянъ, которые считались угнетенными панамі... хотя у крестьянъ и была личная свобода.

Записка, представленная ими, была полна, конечно, интереса. Она выяснила угнетенное положеніе польскихъ крестьянъ у пановъ, которые пользовались ими, какъ хотѣли, а главнымъ образомъ противъ Россіи. Въ земельномъ устройствѣ крестьянъ видѣли оплотъ для обрусенія края и уменьшенія политическаго вліянія пановъ. Рѣшено было надѣлить и польскихъ крестьянъ землею на подобіе русскихъ... Статсъ-секретаремъ царства Польскаго былъ назначенъ Н. А. Милютинъ, а министромъ или директоромъ внутреннихъ дѣлъ царства князь В. А. Черкасскій; на него главнымъ образомъ легла вся тяжесть крестьянской реформы, принятой, конечно, враждебно въ Польшѣ и столько же, если еще не больше, враждебно въ Петербургѣ. Петербургская аристократія, не успокоившаяся еще отъ реформы 19-го февраля 1861 года, подготавливала реакцію, высказывая всюду симпатію польскимъ панамъ, или скорѣе польской аристократіи. Князю Черкасскому и Милютину пришлось опять таки болѣе бороться съ Петербургомъ, нежели съ самою Польшею, гдѣ довольно мирно вводилось новое крестьянское положеніе. Ю. О. Самаринъ не поѣхалъ въ Польшу; князь же Черкасскій предложилъ всѣмъ мало-мальски извѣстнымъ дѣятелямъ по крестьянской реформѣ ѣхать съ нимъ въ Польшу. Изъ Тульской губерніи поѣхали всѣ видные дѣятели по крестьянскому дѣлу, всѣ люди близкіе князю Черкасскому, въ томъ числѣ и мой вотчимъ, баронъ Менгденъ (и матушка моя, конечно, съ семейю). Поѣхали такъ же всѣ лучшіе мировые посредники; поѣхалъ и братъ Ю. О. Самарина, Петръ Ѳеодоровичъ Самаринъ, М. А. Тихменевъ, В. В. Ладыженскій, А. А. Толочановъ, А. И. Кошелевъ и многіе другіе, особенно много князь Черкасскій набиралъ людей въ военной и университетской молодежи.

Я былъ студентомъ и потому не служилъ еще; но въ 1864 году поѣхалъ гостить къ матушкѣ, въ Варшаву, посмотреть на ихъ житье-бытье. Мятежъ утихъ, но шла усиленная борьба польской аристократіи и духовенства противъ Черкаскаго и Милютина, и это ежедневно выказывалось во всемъ. Въ Петербургѣ уже забыли 1863 годъ, и имя Черкаскаго и Милютина было ненавистно. Намѣстникъ, графъ Бергъ, также ненавидѣлъ Черкаскаго, державшаго себя независимо и пользовавшагося сильной поддержкой Н. А. Милютина.

Пребываніе мое въ Варшавѣ въ концѣ 1864 и началѣ 1865 гг. оставило во мнѣ много интересныхъ воспоминаній. Циркулировала каррикатура, гдѣ графъ Бергъ былъ изображенъ судьей на скаккѣ, а князь Черкасскій въ видѣ скакуна, берущаго препят-

ствія. Препятствія были изображены въ лицахъ, и все дѣятели царства; изъ нихъ выбита уже была одна фигура Черкасскимъ, это былъ баронъ Ф., удаленный по требованію князя Черкаскаго. Дѣятельность князя была изумительна; мнѣ кажется, что нельзя было больше и плодотворнѣе работать, чѣмъ онъ. Но зато какимъ подвергался онъ искушеніямъ, съ одной стороны, и преслѣдованіямъ—съ другой! Гоненіе шло изъ Петербурга и отъ графа Берга, а со стороны поляковъ все, чѣмъ только можно измыслить подкупъ. Введеніе крестьянскаго положенія 19-го февраля 1864 года явно переносило значеніе крестьянскаго населенія, угнетеннаго панями, на сторону русскаго правительства; а потому паны всѣ усилія употребляли къ тому, чтобы при введеніи реформы побольше себѣ выгодать. Князю В. А. подсылали и большія деньги подъ всякими предлогами и видами, наконецъ была въ ходъ пущена и женская красота, но и это не удалось. Князь былъ не подкупенъ, и поляки кончили тѣмъ, что про него сказали: «это дьяволъ, а не человѣкъ!». Насчетъ русскаго языка не мало было затрудненій. Какъ директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства, онъ не допускалъ незнанія русскаго языка. Какъ-то къ нему явился епископъ, не помню только какой; это было во время моего пребыванія въ Варшавѣ. Онъ оказался совсѣмъ не знающимъ русскаго языка и заговорилъ попольски; но князь его остановилъ и заставилъ говорить полатыни, на этомъ языкѣ и шелъ разговоръ.

Въ началѣ 1865 года я еще былъ въ Варшавѣ, у матушки своей, и въ средѣ русской колоніи явилась мысль въ первый разъ устроить въ Варшавѣ студенческій обѣдъ 12-го января въ память Московскаго университета. Сколько лѣтъ Московскій университетъ ежегодно выпускалъ изъ стѣнъ своихъ поляковъ, оканчивавшихъ курсъ, но до 1865 года никто никогда не вспомнилъ Московскаго университета. 1865 года, 12-го января, собрались всѣ русскіе въ Варшавѣ, бывшіе студенты Московскаго университета, за скромною трапезою въ гостинницѣ Ангельской, содержимой Букерелемъ. Я былъ единственный наличный студентъ, я кончалъ курсъ, меня посадили, какъ младшаго, противъ старшаго—А. И. Кошелева, который вмѣстѣ съ генераль-аудиторомъ Полторановымъ былъ еще воспитанникомъ московскаго университетскаго пансіона конца 1820 годовъ. На этомъ обѣдѣ были: старикъ Драшусовъ, князь Черкасскій, поэтъ Н. В. Бергъ и до 25 человѣкъ, все служащіе. Обѣдъ прошелъ весело, и въ своей застольной рѣчи Драшусовъ не могъ не сказать съ нѣкоторою горечью, что никогда поляки не поминали доселѣ нашей «Alma mater», хотя десятки ежегодно кончаютъ курсъ въ Москвѣ, а вотъ горсть русскихъ собралась и вспомнила вдали отъ дорогой Москвы и т. д. Бергъ импровизировалъ стихи, которыхъ я помню только начало:

«Насъ въ первой здѣсь столько сбилось
 «Изъ Москвы, не вѣсть отколь,
 «И въ первой намъ такъ случилось
 «Бѣсть Варшавскую хлѣбъ-соль.
 «Довѣряясь лучшей силѣ,
 «Отстранивъ слегка штыки,
 «Мы теперь лишь раскусили,
 «Что такое поляки»...

и т. д.

За обѣдомъ былъ лишь одинъ старикъ полякъ, лингвистъ, другъ Леонтьева; я его фамилію забылъ. Онъ былъ учителемъ латинскаго и греческаго языка въ гимназіи и очень любилъ Московскій университетъ. Онъ все спрашивалъ про университетъ, но такъ какъ онъ уже болѣе 40 лѣтъ кончилъ курсъ, то, конечно, кромѣ Каткова и Леонтьева, я никого не могъ знать изъ его знакомыхъ. Обѣдъ кончился рано: всѣ были люди занятые и тотчасъ послѣ обѣда спѣшили къ занятіямъ.

Меня интересовало введеніе уставныхъ грамотъ въ Польшѣ; поэтому я воспользовался первою поѣздкою во внутрь Варшавской губерніи моего вотчина, чтобы ѣхать съ нимъ. Мы отправились въ коляскѣ пугомъ (англійская упряжь) на почтовыхъ. Баронъ Менгденъ былъ президентомъ Варшавской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, которая соотвѣтствовала губернскому присутствію въ Россіи. Въ другомъ экипажѣ ѣхали комиссаръ и секретарь; за нашею коляскою скакалъ конвой казаковъ. Оригинальное явленіе: освобожденіе у насъ, въ Россіи, и въ цивилизованной Польшѣ!.. Дороги, великолѣпное шоссе, обсаженное густыми деревьями, отлично обстроенные фольварки, господскія усадьбы—все напоминало Европу... самый нашъ экипажъ въ шорахъ, почтарь съ рожкомъ въ европейскомъ костюмѣ и тутъ же казаки... Странное чувство овладѣвало мною... Ничто, кромѣ казаковъ, не напоминало о недавней междоусобной войнѣ. Я думалъ: если иностранца привезти въ Польшу, а потомъ въ Россію, и показать ему ту и другую страну, сказавъ, что одна благоденствуетъ, а въ другой была война междоусобная, партизанская, и что вотъ въ ней кричать о всеобщемъ разореніи, то врядъ ли бы онъ призналъ нашу матушку Русь православную съ ея завалившимися заборами за край благоденствующій, а Польшу за угнетенную. На меня, во всякомъ случаѣ, Польша произвела впечатлѣніе далеко не разоренной страны; а пановъ я не могъ не признать гораздо богаче насъ и потерявшими гораздо меньше насъ отъ освобожденія хлопковъ. Послѣдніе смотрѣли вполне угнетенными. Не лучшее впечатлѣніе производили сами паны, а того болѣе ихъ лукавые приказчики. Мой вотчимъ остановился со свитою въ домѣ богатаго графа, вслѣдствіе безконечной просьбы послѣдняго, повидимому, весьма низкопоклонной. Нельзя было отказаться отъ предложеннаго чая, о коемъ возвѣстилъ французъ

maître d'hôtel. За чаемъ президентъ сидѣлъ около хозяйки, но гордая графиня и не подумала подать чашку чая гостю, а подозвала дворецкаго и, наливъ чашку, взмахомъ головы указала, кому подать ее. Гордое ея поведеніе не могло не вселять уваженія; она и не скрывала, что ей дѣятельность пріѣхавшей комиссіи не по сердцу. Но зато графъ, Боже, какой былъ жалкій... Онъ на новый годъ пріѣзжалъ поздравить президента комиссіи съ новымъ годомъ, а затѣмъ, нѣсколько дней послѣ, когда уже миновала надобность, грамоты были введены, графъ въ театрѣ уже не узналъ ни президента комиссіи, ни ея членовъ.

Князь Черкасскій былъ такъ занятъ, что его только и можно было видѣть за обѣдомъ. У меня были до него кое-какія дѣла, какъ къ попечителю, и я могъ только въ обѣденное время съ нимъ видѣться и поговорить. Передъ отъѣздомъ моимъ князь В. А. послалъ за мною.

— Вотъ пакеты очень серьезные,—сказалъ мнѣ князь:—прошу ихъ лично доставить въ Петербургъ, Н. А. Милютину. Я на тебя надѣюсь, ибо почтою ничего не могу серьезнаго посылать: всѣ мои письма вскрываютъ.

Я съ удовольствіемъ исполнилъ порученіе князя.

Когда княгини Черкасской не было въ Варшавѣ, князь также писалъ ей чрезъ знакомыхъ, почтою же извѣщалъ только о своемъ здоровьѣ, «ибо,—прибавлялъ онъ всегда,—ты знаешь, кто интересуется моими письмами, а для того я писать не желаю». Конечно, все это сердило тѣхъ, къ кому это относилось. Графъ Бергъ не могъ простить князю его независимаго положенія и того, что многіе доклады шли помимо его, намѣстника, прямо къ государю чрезъ статсъ-секретаря царства Польскаго Милютину.

Въ мою бытность въ Варшавѣ рассказывали интересный эпизодъ про одного изъ губернаторовъ царства Польскаго, котораго, какъ русскаго, графъ Бергъ, конечно, не любилъ. У губернатора вышло столкновеніе съ мѣстнымъ прокуроромъ, который не хотѣлъ писать ему порусски и не исполнялъ какого-то приказа, такъ какъ онъ писанъ былъ порусски. Губернаторъ вызвалъ прокурора къ себѣ и спросилъ его, почему онъ не исполняетъ его требованія. «Потому,—отвѣтилъ пофранцузски прокуроръ полякъ,—что оно враждебно моему отечеству (*hostil à mon pays*)». Это было слишкомъ; губернаторъ до того вспылить, что выбранилъ прокурора и вытолкнулъ его изъ кабинета, изъ коего прокуроръ скорѣе вылетѣлъ, чѣмъ вышелъ. Придя въ себя, губернаторъ понялъ, что забылся, и послалъ прокурору предложеніе—дать ему всякое удовлетвореніе, даже, если онъ хочетъ, оружіемъ, выѣхавъ за границу, такъ какъ австрійская граница кстати была подъ рукою. Но прокуроръ не внялъ ничему, а полетѣлъ въ Варшаву съ доносомъ къ графу Бергу. Какъ католикъ и не русскій ни по духу, ни по сердцу, графъ

Бергъ былъ радъ насолить русскому, а тѣмъ паче губернатору, protégé князя Черкаскаго. Онъ назначилъ строжайшее слѣдствіе, которое было поручено двумъ сенаторамъ полякамъ, и сообщилъ объ этомъ князю Черкасскому. Но тотъ немедленно явился въ замокъ и заявилъ графу Бергу, что, въ виду важности случая, онъ, какъ директоръ внутреннихъ дѣлъ, а потому прямой начальникъ губернатора, ѣдетъ самъ на мѣсто, произведетъ строжайшее слѣдствіе надъ губернаторомъ и изслѣдуетъ причины столкновенія. Этого было довольно, чтобы прокуроръ взялъ назадъ свою жалобу и ограничился просьбою перевести его въ другое мѣсто. Тѣмъ дѣло и кончилось. Иначе губернатора затерли бы несомнѣнно...

Я уѣхалъ изъ Варшавы не подъ особенно пріятнымъ впечатлѣніемъ. Что могла сдѣлать эта горсть русскихъ дѣятелей особенно при такой оппозиціи, какъ намѣстникъ и другіе сильные міра сего. Всѣхъ чиновниковъ русскихъ на все число служащихъ въ царствѣ было 2⁰%, и то кричали, что это слишкомъ много. А затѣмъ многіе ли изъ нихъ не подверглись искусу, или не отказались отъ своихъ убѣжденій? Мало... Даже такой завзятый славянофилъ, какъ А. И. Кошелевъ, приглашенный на постъ директора финансовъ, то-есть министра финансовъ царства, если не отрекся отъ своихъ славянофильскихъ идей, то испыталъ на себѣ силу ополяченія. Онъ окружилъ себя одними почти поляками и только имъ вѣрилъ. А. И. Кошелевъ дошелъ до того, что говорилъ, когда спрашивали про одного его чиновника: «прекрасный чиновникъ, хотя русскій!». Зато, когда его уволили, все общество польское провожало его, и не было ни одного почти русскаго. Съ княземъ Черкасскимъ онъ совершенно разошелся, также какъ и съ Н. А. Милютинымъ, почему и лишился возможности оставаться въ Варшавѣ. И много было такихъ.

III.

Дѣятельность князя В. А. Черкаскаго въ дѣлахъ земства.—Враждебныя отношенія къ нему англійскаго консула въ Варшавѣ.—Мысль Черкаскаго объ учрежденіи въ Вильнѣ русскаго земельного банка.—Препятствія, встрѣченныя этимъ проектомъ, и учрежденіе «Золотого Банка».—Выборъ Черкаскаго московскимъ городскимъ головой.—Вывозъ его въ Болгарію въ 1877 году.—Его кончина.

Я особенно долго останавливался въ своихъ воспоминаніяхъ на личностяхъ Д. Г. Бибикова и князя В. А. Черкаскаго. Эти два государственные мужа играли значительную роль въ вопросахъ освобожденія крестьянъ въ Россіи. Такъ какъ эмансипація была колоссальной реформой для нашего отечества, то нельзя пройти молчаніемъ тѣхъ, кто въ суровое, дореформенное время имѣлъ силу и храбрость не только высказаться, но рискнуть своимъ положе-

ніемъ, зная напередъ, что приобрѣтетъ ненависть тогдашняго общества, переполненнаго крѣпостниками. Такія лица шли прямо къ намѣченной цѣли: то были люди и слова, и дѣла.

Намъ, дѣателямъ шестидесятыхъ годовъ, на плечахъ которыхъ въ сущности прошла реформа крестьянская, земская и судебная, хорошо памятно дореформенное время и вся его ненормальность. Теперь хорошо людямъ, ничего не видавшимъ изъ прошлыхъ ужасовъ, говорить и выхвалять порядки тогдашняго режима и анализировать его теперь, но врядъ ли бы они захотѣли возвращенія его, если бы только могли понять, что это былъ за порядокъ. Конечно, я не говорю про ту категорію чиновниковъ, которые думаютъ, что когда имъ хорошо, то и всѣмъ хорошо. Лучшимъ отвѣтомъ на тогдашній режимъ была Крымская кампанія: вся Россія, разъединенная несуществовавшими путями сообщенія, не могла одолѣть стотысячной арміи союзниковъ. Что можно отвѣтить на это, возможно ли нѣчто подобное въ наше время?

Д. Г. Бибиковъ и князь В. А. Черкасскій были, въ полномъ смыслѣ слова, люди ума государственнаго. Они предвидѣли то, что другимъ не приходило еще въ голову, или то, о чемъ ихъ головы боялись думать, или о чемъ непріятно было думать. Теперь не вѣрится даже, что можно было дѣлать столько глупыхъ возраженій, какъ въ 1858 г., когда заговорили вдругъ о неотложности крестьянской реформы. Натянутость отношеній въ пятидесятихъ годахъ между помѣщиками и крестьянами достигла высшаго кульминаціоннаго пункта. Какъ я уже говорилъ, князь Черкасскій былъ душею дѣла освобожденія и редакціонной коммисіи; зная хорошо, что ему грозитъ ненависть всего дворянскаго сословія, онъ все-таки твердо шелъ по намѣченному пути. Его образованіе, его глубокое знаніе Россіи и народа давали ему права и огромное преимущество предъ другими, какъ я и указалъ въ предыдущей главѣ очерка о немъ. Но кто забудетъ 1861 годъ? Все, что было маломальски развито и образованно, все это было въ числѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Подъемъ духа былъ всеобщій, вся русская интеллигенція сплотилась по мановенію царя, своего освободителя; прежніе счета господъ съ крестьянами были забыты, а мелкія домашнія столкновенія казались на столько ничтожными, что о нихъ не стоитъ даже упоминать. Но князь Черкасскій очень хорошо понималъ, что за подобнымъ подъемомъ духа неминуемо послѣдуетъ реакція... Она не долго заставила себя ждать. По окончаніи трудовъ въ редакціонной коммисіи, измученный, онъ хотѣлъ отдохнуть въ своихъ тульскихъ имѣніяхъ Веневскаго уѣзда, проживая лѣта 1861 и 1862 годовъ въ скромномъ званіи мирового посредника. Я уже имѣлъ случай сказать, что князь былъ однимъ изъ лучшихъ мировыхъ посредниковъ губерніи. Вся молодежь, новое поколѣніе шестидесятыхъ годовъ, къ которому я

и себя причисляю, иначе уже смотрѣла на князя Черкаскаго; она съ уваженіемъ относилась къ его дѣятельности. На первыхъ же выборахъ, въ 1862 году, отношеніе къ князю дворянской молодежи было совсѣмъ другое, чѣмъ стариковъ, которые не могли простить ему эмансипацію, ибо его, какъ ближайшаго къ себѣ дѣятеля, они считали главнымъ виновникомъ отобранія крестьянской собственности.

Я упомянулъ о нѣкоторыхъ чертахъ дѣятельности князя Черкаскаго въ Польшѣ. Но какъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, такъ и тутъ реакція не дремала. Пока во главѣ польскаго дѣла стоялъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, все шло своимъ чередомъ, и русское дѣло начинало пускать корни, какъ вдругъ нервный ударъ сразилъ Милютина.

Тутъ умѣстно, мнѣ кажется, вспомнить одинъ эпизодъ, случившійся въ 1866 г. въ Варшавѣ. Самыми великими ненавистниками русскихъ успѣховъ были несомнѣнно англичане. Когда они начинаютъ нападать или ругать русское дѣло или русскаго дѣятеля, то это вѣрный признакъ, что дѣло идетъ хорошо, и дѣятель полезенъ. Либеральнымъ англичанамъ, конечно, не могло нравиться, что князь Черкасскій такъ успѣшно освобождаетъ польскихъ крестьянъ отъ панскаго гнета и дѣлаетъ изъ нихъ русскихъ вѣрноподданныхъ. Англійскій генеральный консулъ въ Варшавѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, дѣлалъ непріятности князю Черкасскому. Послѣ покушенія Каракозова, въ 1866 году, на одномъ изъ официальныхъ обѣдовъ, консулъ, который дружилъ съ панами и пѣлъ съ ними въ унисонъ, что князь Черкасскій красный, позволилъ себѣ сказать, обращаясь къ князю:

— Говорятъ, что это близкій родственникъ вашъ стрѣлялъ въ императора 4-го апрѣля? Правда это?

Но князь былъ не изъ тѣхъ, которые лезятъ въ карманъ за словомъ. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ очень громко:

— Я нисколько не удивляюсь тѣмъ глупостямъ, которыя про меня сочиняютъ, но удивляюсь, что находятся дураки, которые ихъ повторяютъ.

Эффектъ получился громадный, а англійскій консулъ позеленѣлъ отъ злости.

Болѣзнь Н. А. Милютина сильно подѣйствовала на князя Черкаскаго, который, зная при томъ же, на сколько его ненавидитъ намѣстникъ графъ Бергъ, тотчасъ подалъ въ отставку.

Не смотря на то, что лицо, замѣнившее Н. А. Милютина въ званіи статсъ-секретаря царства Польскаго, не раздѣляло взглядовъ князя Владиміра Александровича Черкаскаго, основы были положены, и по дорогѣ, проложенной княземъ и его сподвижниками, тѣмъ, кто хотѣлъ служить русскому дѣлу, уже легче было работать.

Князь Черкасскій не могъ сидѣть, сложа руки. Вопросъ русскаго землевладѣнія въ царствѣ и въ Западномъ краѣ, конечно, былъ ему близокъ къ сердцу и вполне поглощалъ его вниманіе. Князь Владиміръ Александровичъ въ русскомъ землевладѣніи какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ Западномъ краѣ видѣлъ залогъ русской силы и вліянія, но указывалъ на трудности, сопряженныя съ его водвореніемъ; особенно послѣ повстанія это дѣло стало еще труднѣе. Кто не помнитъ всего того, что приходилось переносить русскимъ, и не столько въ Польшѣ, сколько въ Литвѣ, отъ сосѣдей пановъ.

Было приказано продавать конфискованныя польскія имѣнія въ русскія руки; но гдѣ же тѣ русскіе дѣятели, которые послѣ 1861 года имѣли свободныя деньги, чтобы покупать земли въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ? Многимъ казалось не подъ силу и дома-то справиться. Князь Черкасскій представилъ въ Петербургъ проектъ объ учрежденіи въ Вильнѣ русскаго земельного банка, который имѣлъ бы цѣлью исключительно поощрять русское землевладѣніе въ Западномъ краѣ, однимъ словомъ русскій банкъ съ дѣйствительно русскимъ направленіемъ, который бы давалъ возможность солиднымъ русскимъ людямъ пріобрѣтать въ Западномъ краѣ земли и осѣлости, и въ особенности тѣмъ, которые тамъ бы поселились. Во главѣ этого крупнаго русскаго земельного банка становился самъ князь съ значительными полномочіями. Проектъ этотъ удостоился высочайшаго одобренія, и указъ о назначеніи князя Владиміра Александровича въ Вильно предсѣдателемъ банка и сенаторомъ уже готовъ былъ къ подписи, но петербургскіе враги князя поняли, какую силу русское землевладѣніе и люди получаютъ при князѣ Черкасскомъ въ Западномъ краѣ. Были пущены въ ходъ всѣ пружины, чтобы не дать осуществиться этому истинно русскому начинанію. Невольно при этомъ опять вспоминаются слова Д. Г. Бибикова: «не съ поляками, съ Петербургомъ приходилось бороться!».

Тогда только что возникло «Общество взаимнаго поземельнаго кредита» для помѣщиковъ землевладѣльцевъ—это доброй памяти «золотой банкъ», дѣятелямъ котораго тотъ же князь Черкасскій говорилъ не разъ, что учрежденіе взаимнаго кредита для землевладѣльцевъ полезно, такъ какъ опекунскій совѣтъ закрыли, но Боже сохрани его дѣлать на золотую валюту: при первомъ паденіи курса положеніе землевладѣльцевъ будетъ безвыходное. Такъ впоследствии и случилось. Русскіе дѣятели «золотаго банка», т. е. «взаимнаго поземельнаго кредита», и взялись хлопотать усиленно, чтобы въ Вильнѣ не учреждался особый русскій земельный банкъ, а что они возьмутъ въ свои руки дѣло русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, если имъ только дадутъ въ распоряженіе тѣ пять милліоновъ золотой ренты или $\frac{1}{2}\%$ бумагъ, кои предназначены въ

распоряженіе Виленскаго земельнаго банка, сирѣчь князю Черкасскому. Они обѣщали при этомъ, что всякому русскому покупщику земли въ Западномъ краѣ будетъ дана двойная ссуда, то-есть: изъ «золотаго банка» при оцѣнкѣ имѣнія, согласно уставу, и изъ пятимилліоннаго фонда столько же. Казалось, чего бы лучше?! И вотъ пять милліоновъ были успѣшно отвоеваны у князя Черкаскаго, вмѣстѣ съ его сенаторствомъ, или, лучше сказать, отъ возникавшаго русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ пять милліоновъ перешли въ кассу «золотаго банка», а изъ нея—увы!—не на русское дѣло, а въ карманъ Юханцева! Да, изъ этихъ-то пяти милліоновъ Юханцевъ выхватилъ 2.800.000.

Удалившись отъ государственной дѣятельности, князь Черкасскій продолжалъ, однако же, служить въ томъ же, какъ и прежде, смыслѣ русскому дѣлу. Не было въ Тулѣ земскаго или иного какаго собранія, гдѣ бы мы не слышали умнаго, руководящаго слова князя Владиміра Александровича. При немъ и при Самаринѣ земскія собранія получили небывалый интересъ.

Князь Владиміръ Александровичъ, занимаясь земскими нашими уѣздными и городскими дѣлами, изучилъ и муниципалитетные вопросы и городское благоустройство въ Берлинѣ и за границую. Въ Берлинѣ князь Бисмаркъ, познакомившись съ княземъ Черкасскимъ, не могъ удержаться, чтобы не сказать: «какое обиліе должно быть въ Россіи государственныхъ дѣятелей, если такой замѣчательный человѣкъ, какъ князь Черкасскій, безъ дѣла?!»... Тьеръ также высказался приблизительно въ этомъ смыслѣ.

Чуткая тогда еще ко всему русскому, Москва поспѣшила выбрать князя Черкаскаго, вернувшагося изъ-за границы, въ городскіе свои головы, послѣ перваго трехлѣтія князя Щербатова. Князь Черкасскій былъ избранъ единогласно. Значеніе его было очень вѣское, и представителемъ Москвы онъ былъ блестящимъ! Но не долго...

Уничтоженіе Парижскаго трактата въ 1871 году и манифестъ о томъ, что мы возстановляемъ свои права на Черномъ морѣ, дали поводъ Москвѣ, то-есть московской думѣ съ княземъ Черкасскимъ во главѣ, подать адресъ на высочайшее имя. Адресъ этотъ былъ истолкованъ во вредъ князю Владиміру Александровичу, и онъ, къ сожалѣнію многихъ своихъ друзей, вышелъ въ отставку и оставался частнымъ дѣятелемъ до турецкой кампаніи 1877 года.

Намъ хотѣлось выяснитъ личность князя Владиміра Александровича, какъ мы ее понимали всегда. Это былъ человѣкъ высокихъ принциповъ и съ раннихъ лѣтъ служилъ имъ. Онъ съ юношескаго возраста принадлежалъ къ партіи лучшихъ русскихъ людей сороковыхъ годовъ, то-есть къ славянофильскому кружку Хомякова, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Бесѣды» и остался до дня своей смерти вѣренъ этимъ принципамъ. Онъ понималъ,

что безъ освобожденія крестьянъ никакая дѣятельность на Руси не мыслима. Когда онъ достигъ шагъ за шагомъ, какъ мы это видѣли, освобожденія крестьянъ, онъ немедленно принялся и за осуществленіе завѣтныхъ помысловъ своихъ собратій, славянофиловъ. Его блестящая рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ М. П. Погодину была подтвержденіемъ славянофильской его программы.

Князя Черкаскаго обыкновенно выставляютъ человекомъ безсердечнымъ, эгоистомъ, который и крѣпостныхъ освободилъ изъ корыстныхъ цѣлей: это одно изъ главныхъ обвиненій. Я князя зналъ съ дѣтства и не раздѣляю этихъ взглядовъ на моего бывшего попечителя. Въ матеріальномъ отношеніи я ничѣмъ не обязанъ Черкасскому, но обязанъ ему многимъ въ смыслѣ взглядовъ его на жизнь государственную и народную, на политику и проч., которыхъ ученикъ не можетъ не усвоить себѣ отъ учителя, которому вѣрить и котораго уважаетъ.

Если бы князь Черкасскій былъ своекорыстный эгоистъ, то, конечно, оставилъ бы послѣ себя громадное состояніе; онъ же напротивъ оставилъ весьма мало. Онъ не претерпѣвалъ бы столько гоненій въ жизни за свои принципы, не умеръ бы на томъ посту, который ему указывала его именно славянофильская дѣятельность. Умереть, какъ онъ—19-го февраля 1878 года, въ день С.-Стефановскаго договора, не изуродованнаго еще Берлинскимъ конгрессомъ, въ моментъ освобожденія и обновленія новаго славянскаго государства, послѣ побѣдъ русскихъ орловъ за Балканами,—что можетъ быть завиднѣе для человека, служившаго всю жизнь славянофильской идеѣ!

Нареканія, сыпавшіяся на князя Владиміра Александровича, вполне не заслуженныя, и мнѣ, близко стоявшему къ нему человеку, всѣми силами хотѣлось бы, по мѣрѣ возможности, освѣтить его личность. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы все, что людская злоба и ненависть навалили на этого замѣчательнаго дѣятеля, болѣе изъ-за личныхъ неудовольствій, исчезло, чтобы личность князя не перешла въ потомство безъ того, чтобы не сказано было слово правды о немъ и въ защиту его. Другой, безвременно погибшій герой русскій, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, познакомившійся съ княземъ В. А. во время турецкой кампаніи 1877 г., близко сошелся съ нимъ, восхищался княземъ Владиміромъ Александровичемъ и проводилъ съ нимъ свободное время. И это тогда, когда князь В. А. Черкасскій уже былъ не только на склонѣ своихъ лѣтъ, но и своей дѣятельности, когда онъ уже угасалъ и отъ его быстрого, всесторонняго ума оставалось—увы!—немного. М. Д. Скобелевъ понималъ князя Черкаскаго и жалѣлъ, что поздно съ нимъ познакомился.

Въ 1877 г. я хотѣлъ бросить предводительство и ѣхать съ княземъ Черкасскимъ въ Болгарію, куда всѣ тогда рвались. Но князь не разъ мнѣ говаривалъ:

— Меня берутъ на службу, когда нужно, а послѣ выкинуть, какъ выжатый лимонъ; такъ было и со всѣми тѣми, кто при мнѣ находился. Поэтому не совѣтую тебѣ со мною ѣхать, ты можешь быть полезенъ дома во время войны... Меня оставили послѣ крестьянскаго дѣла, послѣ польской дѣятельности, такъ будетъ и теперь... Подожди: когда будетъ дѣло серьезное въ Болгаріи, пріѣзжай, тогда побесѣдуемъ...

Много-много перестрадалъ князь Владиміръ Александровичъ во время кампаніи за свои убѣжденія, вѣрованія... Я не буду отвѣчать на всѣ тѣ нареканія, которыя сыпались на него во время войны. Тотъ же М. Д. Скобелевъ выражался на мои вопросы о князѣ Черкасскомъ: «Его задразнили, онъ былъ боленъ и не перенесъ этого; а какъ его изводила польская партія!!... Чували поляки, что со взятіемъ Константинополя конецъ и польскому вопросу, и знали, что Черкасскій мощный дѣятель—они его и задразнили...». Да, задразнили: князь Владиміръ Александровичъ умеръ отъ разлитія желчи...

— Князь Черкасскій,—прибавилъ Скобелевъ поэтично,—«пальъ подѣ стѣнами Царьграда подѣ ударами Польши»!

Интересный эпизодъ передавалъ мнѣ М. Д. Скобелевъ о князѣ Черкасскомъ. 30-го августа 1877 года, въ день знаменательнаго штурма Плевны, Скобелевъ увидалъ въ моментъ самаго жаркаго боя не вдалекѣ отъ себя, въ сферѣ огня, князя Черкаскаго.

— Что вы тутъ дѣлаете, зачѣмъ вы тутъ?—вскрикнулъ, обращаясь къ князю, удивленный Скобелевъ.

Красный отъ ѣзды верхомъ, будучи не важнымъ ѣздокомъ, князь Черкасскій подѣѣхалъ ближе къ Скобелеву, не смотря на свистъ пуль.

— Сегодня рѣшается судьба кампаніи, да и славянства, какъ же мнѣ не быть здѣсь, хоть посмотрѣть пріѣхалъ, что дѣлають мои санитары.

Князь В. А. былъ главный уполномоченный Краснаго Креста и генераль-губернаторъ Болгаріи. Скобелевъ немедленно велѣлъ подѣ узды взять лошадь князя и вывести его изъ сферы огня. Но Черкасскій опять-таки вернулся, такъ что М. Д. до трехъ разъ долженъ былъ заставлять князя В. А. удаляться изъ-подѣ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Много еще въ жизни, несомнѣнно, повредилъ князю Владиміру Александровичу его умный, но часто насмѣшливый и даже злой языкъ. Говорилъ онъ отлично, мастерски; слушать его было пріятно; онъ говорилъ чрезвычайно ясно; но горе было попасть, что называется, ему на язычекъ! Въ земскихъ и другихъ собраніяхъ онъ умѣлъ увлекать своими доводами и словомъ противниковъ...

Въ 1878 году въ Москву былъ доставленъ гробъ съ останками

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЧЕРКАССКІЙ

князя Владиміра Александровича, и въ церкви Московскаго университета отгѣвали его, бывшаго студента того же университета сороковыхъ годовъ. Въ церкви замѣчательное слово сказалъ, передъ гробомъ князя, нашъ заслуженный профессоръ богословія, протоіерей Сергіевскій; мнѣ досадно, что я тогда не записалъ его дословно. О. Сергіевскій, между прочимъ, сдѣлалъ прекрасное сравненіе, а именно:

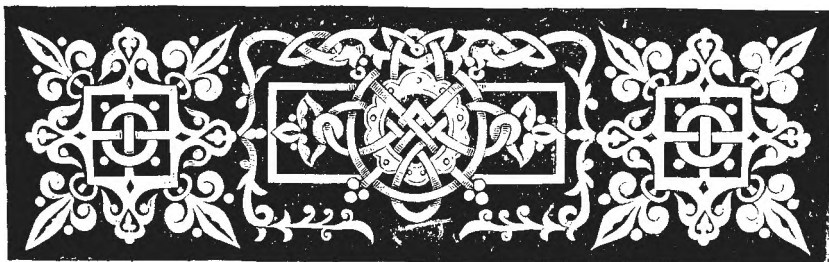
— Кому неизвѣстна,—сказалъ онъ,—знаменитая картина, на которой изображены два борца за свободу своей родины, графы Горнъ и Эгмонтъ, казненные герцогомъ Альба! На картинѣ оба мученика изображены лежащими рядомъ, съ спокойными лицами, на коихъ какъ бы написано, что они исполнили твердо христіанскій долгъ свой передъ родиной. И всякій, взирающій на нихъ, проникается чувствомъ уваженія и умиленія къ подвигу ихъ, и внутренно сознаетъ, что эти люди исполнили свой святой долгъ въ отношеніи своего отечества. То же чувство, вмѣстѣ со скорбію, овладѣваетъ нами теперь, при видѣ стоящаго передъ нами гроба съ останками человѣка, положившаго животъ свой за отечество...

Я уже говорилъ, что князь В. А. Черкасскій, съ виду не привѣтливый, имѣлъ доброе сердце и былъ хорошимъ родственникомъ, чему могу представить доказательство. У князя В. А. была старушка мать княгиня Варвара Семеновна Черкасская. Каждое ея слово, каждое желаніе, были для князя В. А. закономъ. Жила она лѣтомъ недалеко отъ имѣнія сына, села Васильевскаго, въ селѣ Горбатовѣ, а зимою въ Москвѣ, и князь В. А. постоянно навѣщалъ мать. Я случайно провожалъ въ Москвѣ князя В. А., когда онъ ѣхалъ въ Польшу. Передъ отъѣздомъ на желѣзную дорогу, заѣхали къ старушкѣ-матери, княгинѣ Варварѣ Семеновнѣ. Надо было видѣть, какъ трогательно княгиня крестила сына, стоявшаго передъ ней на колѣняхъ, какъ благословляла его на тяжелый трудъ. У княгини слезы были на глазахъ, и у князя, стоявшаго на колѣняхъ передъ матерью, глаза были влажны... Я еще очень тогда былъ молодъ, но сцена эта глубоко врѣзалась у меня въ памяти, и я невольно былъ самъ взволнованъ. У князя былъ еще братъ, Константинъ, красавецъ собою, умный, веселый, смѣлый. Онъ былъ очень увлекающійся человѣкъ и, къ несчастію, въ душѣ игрокъ. Не разъ братья, то-есть князь Владиміръ и Евгеній Александровичи, платили за брата своего Константина, выручали его, но ничего не помогало. Онъ игралъ, и разъ проигрался до того, въ Москвѣ, въ шайкѣ игроковъ, что выдалъ на себя обязательства, которые грозили ему большими непріятностями. Дѣло было лѣтомъ, денегъ ни у кого не было, а надо было спѣшить, и князь В. А. заложилъ свое имѣніе, лишь бы выручить горячо любимаго брата. Но, увы, и эта жертва не помогла, такъ какъ братъ, все-таки, погибъ, вслѣдствіе своей несчастной страсти. Я помню другой случай: на выборахъ въ Тулѣ занемогъ

князь Евгеній Александровичъ довольно опасно. Оказался карбункулъ. Не довѣряясь тульскимъ докторамъ (1860-хъ годовъ), князь Владиміръ немедленно послалъ на свои средства за очень хорошимъ врачомъ, Детерсомъ, жившимъ за сто верстъ отъ Тулы и имѣвшимъ огромную репутацію. Приѣхавъ въ Тулу, Детерсъ скоро помогъ больному. Многое еще могъ бы я сказать о добромъ сердцѣ князя В. А., но всего не перескажешь.

Князь Д. Д. Оболенскій.

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Графъ Э. И. Тотлебенъ и М. Д. Скобелевъ.

ОСЛѢ ГЕРОЙСКОЙ обороны Севастополя имя графа Тотлебена сдѣлалось популярнымъ, и всѣ называли его геніемъ. Встрѣчая его статую фигуру, я невольно проникался уваженіемъ къ нему. А между тѣмъ въ дѣлахъ житейскихъ онъ проявилъ себя далеко не геніальнымъ. Случайно мнѣ пришлось ближе узнать нѣкоторыя его стороны и сильно, если не разочароваться, то во всякомъ случаѣ удивляться, какъ можетъ геній одновременно укладываться съ необыкновенными странностями, чтобы не выразиться иначе.

Въ началѣ 70-хъ годовъ купилъ я дачу въ Крыму, близъ самой Ялты, и началъ частенько ѣздить въ Крымъ; тогда только что строилась Лозово-Севастопольская желѣзная дорога, однимъ изъ концессионеровъ которой былъ Э. И. Тотлебенъ, впоследствии уже графъ. Бывая въ Севастополѣ, мнѣ приходилось бесѣдовать съ инженерами, которые рассказывали, что Э. И. Тотлебенъ захотѣлъ принять дѣятельное участіе въ постройкѣ желѣзной дороги, но что всѣ его совѣты въ вопросахъ серьезныхъ, какъ постройки мостовъ, туннелей и пр., были донельзя нелѣпы и обнаруживали необыкновенное отсутствіе именно инженерныхъ знаній, но что саперъ онъ былъ дѣйствительно замѣчательный. Какъ показали послѣдствія, то и администраторомъ онъ (какъ генералъ-губернаторъ Новороссіи) оказался далеко не изъ великихъ. Онъ

выслалъ административнымъ порядкомъ изъ края нѣсколько сотъ человѣкъ въ весьма короткій періодъ времени, и, какъ оказалось потомъ, совершенно напрасно.

Въ 1878 году мнѣ случилось встрѣтиться съ графомъ Тотлебе-
бекомъ совершенно случайно, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Я пріѣхалъ въ Крымъ по дѣламъ своимъ въ маѣ 1878 года и не остановился у себя на дачѣ, она была отдана въ наймы графинѣ Адлербергъ, а жилъ въ гостинницѣ «Россія». Оказалось, что въ той же гостинницѣ остановился и пріѣхавшій для представленія въ Ливадіи императору Александру Николаевичу одесскій генералъ-губернаторъ графъ Тотлебенъ. Утромъ, не помню какого дня, представители города Ялты и уѣзда собрались представиться графу, который, очень горячась, грозно выговаривалъ имъ за какіе-то безпорядки. Свою рѣчь онъ закончилъ словами:

— Я очень уважаю земскія и городскія учрежденія; но если вы, милостивые государи, не подадите немедленно всѣ въ отставку, я васъ всѣхъ вышлю административнымъ порядкомъ изъ края.

Вотъ тебѣ уважаетъ, невольно думалось мнѣ.

Тотлебенъ какъ-то особенно отчеканивалъ каждое слово, такъ что его рѣчь выходила крайне рѣзкой; онъ и каждую букву выговаривалъ особенно отчетливо. Я замѣчалъ это въ нѣмцахъ, которые боятся говорить съ акцентомъ, чтобы казаться болѣе русскими; а между тѣмъ именно этою необыкновенною отчетливостью въ выговорѣ они часто обнаруживаютъ свое нерусское происхожденіе.

Покончивъ въ Ялтѣ съ дѣлами, я поѣхалъ на свою дачу сдѣлать визитъ графинѣ Адлербергъ, а оттуда рѣшился отправиться прямо на почтовую станцію, чтобы ѣхать на перекладныхъ въ Симферополь.

Спустившись обратно въ Ялту, я замѣтилъ группу лицъ, въ томъ числѣ исправника.

— Что вы дѣлаете тутъ?

— Да вотъ пароходъ отходить въ Севастополь, провожаемъ генералъ-губернатора.

Пароходъ еще стоялъ на мѣстѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ берега, но въ этотъ моментъ раздались три свистка. Авось успѣю, вздумалось мнѣ, лучше поѣду на пароходѣ до Севастополя, чѣмъ до Симферополя ѣхать на лошадахъ. Пообщавъ крупное на-чай стоявшимъ тутъ лодочникамъ, я выскочилъ съ чемоданомъ изъ экипажа и быстро сѣлъ въ лодку. Но только мы отчалили, какъ пароходъ пошелъ... Лодочники мои гребли быстро, и я началъ махать бѣлою фуражкой, прося знаками остановиться. Такъ какъ я носилъ придворную форму, то на пароходѣ обратили вниманіе на нашу лодку, и вотъ, къ моей великой радости, пароходъ остановился. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже у па-

рохода и взбирался на него по брошенной мнѣ лѣсенкѣ. На палубѣ стояли: молодой полковникъ графъ Шуваловъ, адъютантъ великаго князя Владиміра Александровича, привозившій въ Ливадію извѣстіе о рожденіи первенца у великаго князя; генералы: Рихтеръ, Глинка-Мавринъ и др., а невдалекѣ виднѣлась недовольная фигура графа Тотлебена.

— Что вы везете?—спросилъ меня еще издали графъ Шуваловъ.

— Да себя,—отвѣчалъ я, смѣясь.

Оказалось, что на пароходѣ, хотя онъ былъ и не казенный, а пассажирскій, думали, глядя на наше маханье и на мою придворную форму, что я везу какой нибудь конвертъ въ догонку изъ Ливадіи.

Войдя на пароходъ, я помѣстился около Шувалова и завязалъ съ нимъ разговоръ. Тотлебенъ все ходилъ около насъ и видимо былъ чѣмъ-то недоволенъ. Уже послѣ мнѣ объяснили, что онъ былъ крайне раздраженъ остановкой парохода (хотя остановка эта была менѣе чѣмъ на пять минутъ) и счелъ это невниманіемъ къ себѣ. Но потомъ Тотлебенъ вступилъ въ общій разговоръ, который, надо признаться, былъ очень интересенъ. Графъ Шуваловъ очень ловко предлагалъ ему многіе вопросы касательно, конечно, Севастопольской кампаніи. Тотлебенъ отвѣчалъ весьма подробно и наконецъ рассказалъ нѣсколько анекдотовъ о защитникахъ Севастополя, такъ что время отъ Ялты до Севастополя прошло незамѣтно.

Вотъ показался Севастополь, и мы стали заворачивать къ бухтѣ. При взглядѣ на развалины морскихъ казармъ, у меня какъ-то невольно вырвалось:

— Что за горе русскому человѣку смотрѣть на эти руины... А какъ портъ-то хорошъ и въ торговомъ отношеніи какъ былъ бы полезенъ.

Тотлебенъ въ это время разъяснялъ графу Шувалову, гдѣ стояла батарея Карташевскаго; его точно передернуло отъ моихъ словъ, которыя онъ слышалъ.

— Никакого торговаго значенія Севастополь не имѣлъ и не будетъ имѣть,—рѣзко отвѣчалъ мнѣ онъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ.

— Почему?—удивленно спросилъ я.

— Потому, что центръ торговли юга въ Одессѣ, а не тутъ. Севастополь—стратегическій пунктъ и больше ничего,—сказалъ очень недовольнымъ тономъ Тотлебенъ:—за торговое значеніе Севастополя гроша нельзя тратить.

— Однако, мнѣ кажется, графъ, что вы, когда принимали участіе въ постройкѣ Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, указывали на пользу этой дороги и въ торговомъ отношеніи и при проведеніи этой линіи руководились не одними военными соображеніями?—осмѣлился я возразить.

Тотлебенъ окончательно распѣтушился.

— Этого никогда не было. Это только московскія газеты, Катковъ, Аксаковы, хотятъ уничтоженія Одессы и потому проповѣдуютъ и проводятъ торговое значеніе Севастополя, котораго нѣтъ. На Одессу потрачены сотни милліоновъ, а вы хотите все это уничтожить. Я вижу: это—славянофильское направленіе, стремящееся уничтожить Одессу; но это вамъ не удастся,—повторялъ разсердившійся графъ.

Я удивленно смотрѣлъ на Тотлебена и замѣтилъ лишь, что не говорилъ объ уничтоженіи Одессы, и что ни у Каткова, ни у Аксакова не читаль ничего объ этомъ.

— Нѣтъ-съ, я въ васъ давно замѣтилъ славянофильское направленіе,—напиралъ на меня Тотлебенъ:—но ни вамъ, господа славянофилы, ни Каткову съ Аксаковымъ, не удастся перемѣстить сюда торговлю: это бессмыслица. Одесса не потеряетъ своего значенія, я этого не допущу,—продолжалъ горячиться Тотлебенъ и безостановочно говорилъ, пока пароходъ не вошелъ въ пристань, о вредѣ славянофильскаго московскаго направленія, о Катковѣ и Аксаковѣ, которымъ изрядно досталось отъ него.

Но вотъ на гранитной пристани показался почетный караулъ и масса народа, отдававшая его сіятельству честь, и графъ отсталъ отъ меня, чему я несказанно обрадовался.

— Что онъ ко мнѣ привязался съ моимъ славянофильскимъ направленіемъ?—спросилъ я одного общаго знакомаго.

— Ну, это его конекъ,—отвѣчалъ тотъ,—а главное, какъ вы не замѣтили, что онъ искалъ случая къ вамъ придратъ: какъ смѣли вы остановить пароходъ? онъ счелъ это неуваженіемъ къ себѣ, такъ какъ ѣхалъ на немъ.

— Пароходъ пассажирскій, для всѣхъ: я не обязанъ былъ знать, что на немъ ѣдетъ генералъ-губернаторъ, который на немъ, какъ частный пассажиръ.

— Ну, этого Эдуардъ Ивановичъ въ резонъ не принимаетъ.

— Жаль...—отвѣтилъ я.

Какъ-то я рассказалъ М. Д. Скобелеву, который былъ ярый славянофилъ и не проѣзжалъ Москвы, не побывавъ у И. С. Аксакова, о моемъ столкновеніи съ Тотлебенемъ. Онъ слушалъ меня смѣясь и въ свою очередь рассказалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ про Тотлебена, котораго крайне недолголюбивалъ.

— Сперва я былъ о немъ въ самомъ дѣлѣ высокаго мнѣнія,—говорилъ Скобелевъ,—когда онъ подъ Плевной удачно раскинулъ нѣсколько группъ батарей, концентрированный огонь которыхъ могъ быть очень вреденъ туркамъ. Но потомъ я въ немъ разочаровался вполне, особенно въ Санъ-Стефано. Я считаю, что на немъ лежить значительная доля вины, что мы не заняли Константинополя, ну, да что объ этомъ... Нѣтъ, вообразите,—продолжалъ М. Д.,—

оставшись за главнокомандующаго въ Санъ-Стефано, онъ дошелъ до такой любезности къ туркамъ, что снялся съ турецкимъ главнокомандующимъ, Мухтаръ-пашею, на одной карточкѣ. Этотъ фотографическій снимокъ воспроизведенъ въ тысячахъ экземпляровъ, и турки стали распространять его между болгарами. Впечатлѣніе всюду получилось крайне тяжелое, да и въ войскахъ нашихъ это не понравилось... Подарилъ ему султанъ корову, зная, что нѣмецъ любить свѣжія сливки. Сколько съ этой коровой исторій и хлопотъ было, Боже ты мой милостивый. Тотлебенъ, говоря о коровѣ, называлъ ее не иначе, какъ «величайшій знакъ уваженія и расположенія ко мнѣ е. и. в. султана». Такъ титулъ этотъ и былъ присвоенъ коровѣ: ее всѣ звали—«величайшій знакъ уваженія и расположенія е. и. в. султана къ Тотлебену». Корову эту привели въ Адрианополь, а затѣмъ Тотлебенъ съ поѣздомъ увезъ ее съ собою.

Оригиналенъ былъ, по словамъ М. Д. Скобелева, отъѣздъ Тотлебена изъ Адрианополя. Послѣ его отъѣзда Михаилъ Дмитриевичъ оставался уже главнокомандующимъ войскъ, кажется 45 или 50 тысячъ, оставшихся, какъ оккупационный корпусъ. Тотлебена сопровождало все высшее турецкое начальство съ Мухтаръ-пашею во главѣ, всѣ иностранные консулы, въ томъ числѣ англійскій и германскій, были налицо; изъ духовенства: католическій нунцій и нѣмецкій пасторъ. Прощаясь съ послѣднимъ, Тотлебенъ цѣловался. Митрополитъ же православный, затертый массой народа, не могъ пробраться къ вагону главнокомандующаго, который и не обратилъ на это никакого вниманія, то-есть забылъ проститься съ нимъ. Только-что отошелъ поѣздъ съ Тотлебеномъ, какъ М. Д. Скобелевъ, уже главнокомандующій, сказалъ начальнику штабу, что сейчасъ будетъ здороваться съ почетнымъ карауломъ, тутъ же, на платформѣ, стоявшимъ. Почетный караулъ былъ отъ Архангелогородскаго полка. На громкое «здорово, архангелогородцы!» Скобелева солдаты весело отвѣчали: «здравія желаемъ вашему превосходительству», и кричали «ура»... Снявъ фуражку, Михаилъ Дмитриевичъ прямо пошелъ подъ благословеніе митрополита и поцѣловалъ у него руку.

— Солдаты мои такъ и выросли на цѣлый аршинъ, когда увидали это,—говорилъ Михаилъ Дмитриевичъ,—радуясь, что русскій генералъ призналъ, наконецъ, православнаго митрополита, какъ бы забытаго всѣми.

Всѣ иностранцы притихли. Мухтаръ-паша очень развязно подошелъ къ Скобелеву и началъ ему говорить пофранцузски, когда онъ можетъ переговорить съ нимъ насчетъ эвакуаціи Адрианополя и вообще о дѣлахъ. Тогда Михаилъ Дмитриевичъ громко на всю платформу отвѣтилъ тоже пофранцузски:

— Императорская побѣдоносная армія занимаетъ Адрианополь,

а я, ея главнокомандующій, принимаю просителей и имѣющихъ дѣло до меня отъ 9 до 11. Можете пожаловать въ эти часы.

Мухтаръ, какъ ошпаренный, отошелъ отъ Михаила Дмитріевича. Этимъ поступкомъ на Адрианоградской станціи Скобелевъ вселилъ такой страхъ и уваженіе въ туркахъ, что не было даже тѣни дерзости, грубости или чего нибудь подобнаго, уже начавшихъ проявляться, во все время занятія сравнительно небольшимъ корпусомъ русскихъ Адрианополя. Имя Скобелева производило такое же дѣйствіе, какъ бывало, рассказывали старики, на Кавказѣ имя Ермолова.

Скобелевъ ненавидѣлъ нѣмцевъ. Мнѣ какъ-то пришлось въ Москвѣ съ нимъ ѣхать на извозчикѣ, да еще на плохомъ. Дѣло было лѣтомъ; мы послѣ обѣда собрались за городъ. Извозчикъ оказался грамотнымъ. Безконечныя вывѣски съ нѣмецкими фамиліями волновали Михаила Дмитріевича. «Читай»,—безпрестанно повторялъ онъ извозчику, указывая на ту или другую вывѣску. Тотъ, хотя съ трудомъ, читалъ ихъ. Что это русскій? Нѣтъ, нѣмецъ... и это постоянно. «Что же это такое съ матушкой Москвой-Бѣлокаменной? вся онѣмечилась»,—повторялъ Михаилъ Дмитріевичъ всякій разъ, какъ извозчикъ читалъ вывѣску съ нѣмецкой фамиліей.

Наконецъ, доѣхали мы до Яра и не успѣли еще рассчитать извозчика, какъ уже толпа народа собралась смотрѣть на «Бѣлаго-генерала». Мы прошли на отдѣльную террасу, но немедленно явился оркестръ и заигралъ маршъ-Скобелевъ, затѣмъ явились какіе-то евреи и на какихъ-то диковинныхъ инструментахъ начали мазурку-Скобелевъ или что-то въ этомъ родѣ. Михаилу Дмитріевичу было не по себѣ, и мы ушли въ отдѣльный кабинетъ. Но сейчасъ же туда ворвались повара и прислуга Яра и окружили его, чтобы поднять на «ура» и качать. Насилу ихъ успокоили, насилу отдѣлались отъ нихъ и упросили не качать, такъ какъ генералу это непріятно. Все это сильно надоѣло Михаилу Дмитріевичу. Мы порѣшили убраться отъ Яра и на первомъ попавшемся извозчикѣ уѣхали обратно въ Москву, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ манифестацій.

Послѣднія нѣсколько недѣль передъ смертью Скобелева мнѣ приходилось часто его видѣть. Михаилъ Дмитріевичъ часто пріѣзжалъ изъ Минска въ Москву и останавливался въ Славянскомъ Базарѣ или у Ивана Ильича Маслова, управляющаго Московскою удѣльною конторою. И. И. Масловъ былъ крестникъ еще дѣда Скобелева, Ивана Никитича, чуть ли не воспитывался въ домѣ Скобелевыхъ и былъ имъ обязанъ всѣмъ. Онъ, конечно, безъ памяти любилъ Михаила Дмитріевича, говорилъ ему «ты» и Миша. Скобелевъ то же говорилъ Маслову «ты», довѣрялъ ему безгранично. Иванъ Ильичъ велъ всѣ дѣла Скобелева, держалъ у себя его деньги, однимъ словомъ былъ полнымъ хозяиномъ состоянія

Скобелева, который и поручалъ ему все исполнѣ, отправляясь въ дальнѣе походы. А состояніе у Михаила Дмитріевича было прекрасное.

Въ началѣ іюня 1882 г. я нѣсколько разъ завтракалъ со Скобелевымъ въ Славянскомъ Базарѣ и наслаждался его бесѣдой. Онъ такъ мѣтко, такъ ясно, такъ образно рассказывалъ, что, бывало, заслушаешься. Онъ не вѣрилъ въ продолжительный миръ, установленный на Берлинскомъ конгрессѣ, и твердилъ, что на Балканскомъ полуостровѣ неминуемо начнется опять смута. Какъ-то я зашелъ къ нему ранѣе обыкновеннаго; онъ еще не былъ одѣтъ. Занималъ онъ большое отдѣленіе въ Славянскомъ Базарѣ. «Генералъ въ ваннѣ»,—объяснилъ мнѣ денщикъ его. Я прошелъ въ ванную, въ которой и засталъ М. Д. Скобелева читающимъ.

— Ты читалъ извѣстія изъ Болгаріи?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ.

— Прочти,—и онъ бросилъ мнѣ книжку изъ ванны:—турки нарушили границы, были уже стычки. Если это вѣрно, то я тамъ буду чрезъ три недѣли, и тогда посмотримъ... А у меня такой есть планъ обороны Болгаріи, за который англичане сотни тысячъ бы заплатили,—шутилъ онъ.

Пока я проглядывалъ статью m-me Аданъ, Михаилъ Дмитріевичъ одѣвался; меня поразила дряблость его все-таки молодого тѣла. Онъ одѣлся, и мы пошли завтракать. Этотъ день онъ былъ въ духѣ и нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, что, если только извѣстія изъ Болгаріи вѣрны, то онъ чрезъ 2—3 недѣли будетъ тамъ.

— Но надо взять съ собою много денегъ,—добавилъ онъ:—я всѣ процентныя бумаги свои реализую, все продамъ. У меня на всякій случай будетъ миллионъ денегъ съ собою. Это очень важно, не быть связаннымъ деньгами, а имѣть ихъ свободными. И это у меня будетъ: я всѣ процентныя бумаги обращу въ деньги...

Мы продолжали завтракать. Къ намъ подошли два его адъютанта, Ушаковъ и другой, фамилію котораго я забылъ, въ черкескѣ, изъ казаковъ.

— Ну-съ, расскажите, какъ мы брали такой-то городъ,—сказалъ Скобелевъ своему адъютанту изъ казаковъ.

Тотъ немного замаялся и началъ рассказывать довольно нерѣшительно. Черезъ три минуты Скобелевъ уже прервалъ его, сказавъ:

— Ну, такъ вы никогда не кончите, и объ насъ штатскій Богъ вѣсть что подумаетъ.

Онъ называлъ меня штатскимъ.

Вывувъ карандашъ, Михаилъ Дмитріевичъ началъ тутъ же на скатерти чертить разные пункты, чуть не цѣлую карту нарисовалъ, такъ что мы заслушались. Его рассказъ записанъ мною особо.

Чрезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ Михаиломъ Дмитріевичемъ въ Петербургѣ и зашелъ къ нему. Я его засталъ въ распо-

ряженіяхъ о продажѣ металлическихъ бумагъ, облигацій, золота, акцій и проч., онъ былъ занятъ ликвидаціей своихъ бумагъ и обращеніемъ ихъ въ чистыя деньги.

— Все взято изъ государственнаго банка, все продано и собирается около милліона, — говорилъ Михайлъ Дмитріевичъ: — да изъ Спасскаго (Рязанское имѣніе его) хлѣбъ продается—онъ въ цѣнѣ, будетъ и весь милліонъ. Все это потомъ будетъ препровождено къ Ивану Ильичу, который положить деньги въ государственный банкъ на текущій счетъ...

Затѣмъ я встрѣтилъ Михайла Дмитріевича у одного нашего общаго пріятеля, который былъ случайно въ Петербургѣ и нуждался въ деньгахъ. Онъ былъ очень близокъ съ Скобелевымъ и въ свое время, когда Михайлъ Дмитріевичъ бывалъ въ нуждѣ, не разъ выручалъ его изъ весьма тяжелыхъ обстоятельствъ. Тутъ же вечеромъ онъ попросилъ у Скобелева 5.000 рублей на нѣсколько дней.

— Не могу дать никакимъ образомъ, — отвѣчалъ Михайлъ Дмитріевичъ: — я реализовалъ ровно милліонъ и далъ себѣ слово до войны самому не тратить ни копейки изъ этого милліона. Кромѣ жалованья, я ничего не проживаю, а милліонъ у меня наготовѣ, на случай — будетъ надобность ѣхать въ Болгарію...

Тотъ пожалъ плечами, тѣмъ дѣло и кончилось.

Прошло еще нѣсколько дней. Около 23-го или 25-го іюня я снова былъ въ Москвѣ, и въ томъ же самомъ Славянскомъ Базарѣ встрѣтился съ Михайломъ Дмитріевичемъ. Онъ былъ не въ духѣ: не отвѣчалъ совсѣмъ на вопросы, а если и отвѣчалъ, то какъ-то отрывисто; видно было, что его что-то очень тревожитъ.

— Что же будемъ завтракать? — спросилъ я его.

— Не буду я съ вами завтракать; нужно ѣхать къ митрополиту, — отвѣчалъ онъ, но видно было, что думалъ онъ совсѣмъ о другомъ.

— Ну, такъ я останусь и выпью за ваше здоровье стаканъ шампанскаго; къ тому же очень жарко, а за завтракомъ холодное очень пріятно, — продолжалъ я и вошелъ въ отдѣльный кабинетъ.

Михайлъ Дмитріевичъ не отказался отъ стакана шампанскаго, но ходилъ по кабинету взволнованный. Когда же метръ-д'отель Славянскаго Базара Делапре предложилъ ему какую-то удивительную яичницу, онъ разсердился и сказалъ, чтобы тотъ не приставалъ къ нему съ глупостями.

— Да что съ вами наконецъ? — спросилъ я: — сердитесь изъ-за пустяковъ... Вамъ, должно быть, не здоровится?

Скобелевъ отвѣчалъ не сразу.

— Да что, — задумчиво протянулъ онъ, мѣняя шагами, какъ левъ въ клѣткѣ, небольшой кабинетъ Славянскаго Базара, изъ угла въ уголъ, — мои деньги пропали...

— Какія деньги?—спросилъ я:—украли у васъ бумажникъ?

— Какой бумажникъ—мой миллионъ... весь миллионъ пропалъ безслѣдно.

Я ужаснулся.

— Какъ? Гдѣ?—могъ я только спросить.

— Да и самъ ничего не знаю, не могу ни до чего добраться... Вообразите себѣ, что Иванъ Ильичъ реализировалъ, по моему приказанію, всѣ бумаги, продалъ золото, хлѣбъ и... и сошелъ съ ума на этихъ дняхъ. Я и не знаю теперь, гдѣ деньги. Самъ онъ не вмѣняемъ, ничего не понимаетъ. Я нѣсколько разъ упорно допрашивалъ его—гдѣ деньги; онъ въ отвѣтъ чуть ли не лаеъ на меня изъ-подъ дивана: впалъ въ полное сумасшествіе... Я не знаю, что дѣлать.

Я такъ былъ пораженъ этимъ открытіемъ, что долго не зналъ, что сказать, что посоветывать.

— Да вѣдь миллионъ такая сумма, что ее нельзя незамѣтно похитить. Дайте знать по всѣмъ банкамъ, наведите справки...

— Да я все это и дѣлаю,—отвѣчалъ Михаилъ Дмитріевичъ:—но ни въ одномъ банкѣ не оказывается моихъ денегъ... Видно, Иванъ Ильичъ не клалъ въ банкъ никакихъ денегъ...

Въ этотъ день Михаилъ Дмитріевичъ пилъ много, все больше портеръ пополамъ съ шампанскимъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ залить свое волненіе.

Вечеромъ этого или слѣдующаго дня я опять сидѣлъ вмѣстѣ съ Скобелевымъ и его родственникомъ, моимъ большимъ пріателемъ, графомъ А. П. Барановымъ. Скобелевъ продолжалъ много пить. Графъ Барановъ, человѣкъ чрезвычайно острый, велъ веселую бесѣду, чтобы развлечь Михаила Дмитріевича. Но Скобелевъ не особенно былъ веселъ, хотя не подавалъ вида о случившемся.

Я было упомянулъ о прислугѣ, но Михаилъ Дмитріевичъ не допускалъ подобной возможности, тогда какъ оказалось, что прислуга у И. И. Маслова была прескверная. Въ день похоронъ Михаила Дмитріевича, то-есть черезъ нѣсколько дней, камердинеръ продавалъ въ кабакѣ шкатулку съ письмами Скобелева и былъ схваченъ полиціею. Скобелевъ, какъ я уже говорилъ, останавливался часто въ удѣльной конторѣ, такъ что вещи его постоянно находились у Маслова на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ удѣльной конторы.

Видя, что Михаилъ Дмитріевичъ очень много пьетъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что не довольно ли, что, пожалуй, вредно. Но Скобелевъ на меня огрызнулся:

— Оставь, что тебѣ за дѣло. Мнѣ жить осталось, я это знаю, какихъ нибудь два-три года. Я и хочу прожить ихъ всласть, какъ мнѣ хочется...

Но, увы, судьба судила ему прожить не два года, о которыхъ онъ скромно мечталъ, а съ небольшимъ два дня.

Послѣдніе три дня передъ смертію Михаилъ Дмитріевичъ очень много пилъ шампанскаго и все больше пополамъ съ портеромъ. Очень вѣроятно, что вино, къ которому онъ хотя и привыкъ, одновременно съ тѣмъ волненіемъ, которое его охватило, и подѣйствовало слишкомъ сильно на безъ того уже слабое, больное сердце.

Что говорить объ его смерти: она слишкомъ общеизвѣстна, и слишкомъ недавно еще горе о безвременно погибшемъ витязѣ нашепъ, чтобы поднимать эти вопросы и беречь свѣжія раны.

Узнавъ о внезапной его кончинѣ, я прибѣжалъ въ гостиницу Дюссо, гдѣ онъ умеръ, и засталъ его почти, можно сказать, теплаго. Онъ точно спалъ, и никто не могъ бы сказать, что смерть уже похитила его. Тутъ же былъ и графъ Ал. Павл. Барановъ, который присутствовалъ при вскрытіи. Сердце оказалось на столько дрябло, что почти расплзлось. Съ такимъ сердцемъ нельзя было жить, дни были и такъ сочтены, а волненіе послѣднихъ дней несомнѣнно ускорило роковую развязку.

Мнѣ невольно вспоминается слѣдующій разговоръ Михаила Дмитріевича.

— Нѣтъ людей,—говорилъ онъ:—которые не боялись бы смерти; а если тебѣ кто скажетъ, что не боится — плюнь тому въ глаза: онъ лжетъ. И я точно также не меньше другихъ боюсь смерти. Но есть люди, кои имѣютъ достаточно силы воли этого не показывать, тогда какъ другіе не могутъ удержаться и бѣгутъ предъ страхомъ смерти. Я имѣю силу воли не показывать, что я боюсь; но за то внутренняя борьба страшная, и она ежеминутно отзывается на сердцѣ.

Да, очень можетъ быть, что внутренняя борьба и довела сердце М. Д. Скобелева до того ужаснаго положенія, въ какомъ оно было въ день его ранней, всѣми оплакиваемой кончины.

Слухамъ и розсказнямъ объ этой смерти не было конца. Никто не хотѣлъ вѣрить, что витязь нашъ умеръ своею смертію. Вѣдь его видѣли бодрымъ, здоровымъ, и съ виду веселымъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ вѣсть о его смерти облетѣла Москву, а затѣмъ и Россію. Что можетъ быть проще и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснѣе разрыва сердца!..

Передъ великимъ трагизмомъ смерти М. Д. Скобелева, конечно, вопросъ о пропажѣ его капитала, въ милліонъ слишкомъ рублей, сравнительно незначителенъ, но фактъ курьезенъ самъ по себѣ и по тому впечатлѣнію, которое могъ имѣть на Михаила Дмитріевича; онъ бросаетъ еще болѣе какъ бы таинственность на послѣдніе дни его жизни и причины его преждевременной смерти. Иванъ Ильичъ Масловъ такъ и не приходилъ въ себя болѣе и умеръ

сумасшедшимъ, переживъ Михаила Дмитріевича на десять лѣтъ. А миллионъ такъ и канулъ въ вѣчность безслѣдно.

Про Скобелева много было сказано, и не моему слабому перу вдаваться въ критическую оцѣнку его личности. Наконецъ, сравнительно я его и зналъ не достаточно, ибо въ походахъ, гдѣ болѣе всего проявлялъ онъ свою геніальность, я не бывалъ. Я встрѣчалъ его въ обществѣ и могу сказать, что не видалъ болѣе увлекательнаго человѣка.

Нѣкоторые разговоры его врѣзались въ мою память. Я какъ-то спросилъ его про одно дѣло, въ которомъ, говорили, солдаты будто бы не шли въ бой.

— Такихъ случаевъ не знаю, чтобы русскій солдатъ не пошелъ за мною, — отвѣтилъ Михаилъ Дмитріевичъ: — а солдаты, большею частію, не идутъ, когда ихъ только посылаютъ. На то генералы и офицеры, чтобы вести солдатъ въ дѣло; когда же сами остаются на мѣстахъ, а солдаты посылаютъ однихъ, тогда, конечно, не идутъ — не ихъ вина.

Какъ я уже говорилъ, мнѣ удавалось довольно часто видѣть М. Д. Скобелева въ послѣдніе два года его жизни, во время его пріѣздовъ въ Москву и Петербургъ. Я останавливался въ Петербургѣ въ домѣ графа Адлерберга, дяди Михаила Дмитріевича, и послѣдній часто приходилъ къ своему двоюродному брату графу Николаю Александровичу. Такого увлекательнаго, поэтическаго человѣка, какимъ былъ Скобелевъ, трудно было встрѣтить. Свой разговоръ, особенно, если дѣло касалось отечества — Россіи, онъ пересыпалъ стихами Хомякова (котораго онъ очень любилъ и вѣчно цитировалъ) или другого русскаго поэта; онъ зналъ массу стиховъ Шиллера, Гейне... Трудно было не поддаться обаянію этого человѣка...

Политическія убѣжденія Михаила Дмитріевича были очень опредѣленны: «все для матушки Россіи и ея славы».

— Политика благодарностей и дипломатія вздоръ и только ведетъ еще къ большему кровопролитію впослѣдствіи, — какъ-то говорилъ онъ мнѣ въ одну изъ бесѣдъ: — согласись императоръ Александръ I на предложеніе Наполеона, взять себѣ Константинополь, а ему оставить Пруссію и Германію, не было бы всѣхъ послѣдующихъ войнъ нашихъ турецкихъ, а, вѣроятно, и отечественной 1812 года. Подѣлили бы Европу, и не было бы въ виду еще и теперь войны съ нѣмцами.

Когда я спросилъ его мнѣнія на счетъ закона предопредѣленія, проведеннаго Л. Н. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ», гдѣ великіе полководцы сводятся на нѣтъ, Михаилъ Дмитріевичъ пожалъ плечами и сказалъ только:

— Для меня не ясно, какъ же это вдругъ и Фридрихъ Великій нуль значить, и Суворовъ, и Наполеонъ? Нѣтъ, этого никогда

не будетъ: были великіе геніи и будутъ. Военная наука что ни-будь да значить.

Никогда не забуду приѣзда М. Д. Скобелева въ Москву въ 1881 году послѣ взятія Ахалъ-Теке. Народу собралось между Рязанскимъ и Николаевскимъ вокзалами не менѣе 20—25 тысячъ человѣкъ. Долго Скобелевъ не могъ проѣхать. Народъ хотѣлъ отложить лошадей въ коляскѣ и везти его на себѣ; насилу освободили его. Тѣмъ не менѣе, курьерскій поѣздъ въ Петербургъ на 15 минутъ позднѣе вышелъ изъ Москвы, ибо пассажиры не могли добраться до станціи Николаевской желѣзной дороги, въ томъ числѣ и московскій генераль-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій. Послѣдній видимо былъ недоволенъ, что ему, генераль-губернатору, да еще въ Москвѣ, толпа не давала дороги; да она и не могла дать, такъ густо стояла. Полиція никакъ не ожидала такого стеченія народа и не приняла мѣръ къ тому, чтобы удержать толпу въ сторонѣ. Уже дорогою, когда двинулся поѣздъ, Михаилъ Дмитриевичъ пошелъ повидать князя Долгорукаго, который встрѣтилъ его, какъ старый дипломатъ, словами:

— А я было шелъ къ вамъ, въ вагонъ, дорогой мой Михаилъ Дмитриевичъ, но вы меня предупредили. Какъ я радъ за мою Москву, что она сумѣла такъ васъ встрѣтить. Я искренно жалѣю, что по своему положенію не могъ быть въ толпѣ, которая васъ привѣтствовала, но за то сердцемъ я, какъ русскій, конечно, былъ среди нея... и такъ далѣе пѣлъ онъ Михаилу Дмитриевичу.

А на другой день онъ же въ Петербургѣ не утерпѣлъ сказать:

— J'ai vu hier Bonaparte revenant d'Egypte (я видѣлъ вчера Бонапарта, возвращающагося изъ Египта).

Прямо съ желѣзной дороги Михаилъ Дмитриевичъ поѣхалъ въ Петропавловскій соборъ поклониться гробницѣ императора Александра II, своего благодѣтеля, какъ называлъ его Скобелевъ.

Въ этотъ приѣздъ свой въ Петербургъ, онъ остановился у своего beau-frère'a, то-есть мужа сестры, князя Бѣлосельскаго. Съ нимъ приключился курьезный случай. Его вообще всегда преслѣдовала масса женщинъ то съ альбомами, то съ просьбами объ его фотографіи, то стихами и т. д. Какъ-то утромъ вошла къ нему молодая дѣвушка, изъ такъ называемыхъ «стриженныхъ», то-есть изъ типа коротко остриженныхъ. Она начала ему очень нервно говорить о томъ, что женихъ ея, молодой офицеръ, погибъ во время только-что кончившагося Ахалъ-Текинскаго похода отъ тифа, что всѣ эти войны затѣваетъ онъ, Скобелевъ, для собственнаго тщеславія своего. Тутъ Скобелевъ перебилъ ее:

— Вы очень заблуждаетесь, по повелѣнію русскаго царя, у котораго такая сила, что по мановенію пальца милліоны солдатъ могутъ двигаться. Я же только исполнитель, солдатъ (его любимое выраженіе).

— Нѣтъ, нѣтъ, — продолжала нервная барышня: — и я себя дала слово, что если женихъ мой будетъ убитъ, то я васъ, какъ главнаго виновника войны, непременно убью... Да, убью, я даже купила для этого револьверъ, вотъ онъ...

И барышня вынула револьверъ.

— Ну, и что же?—спросилъ М. Д. Скобелевъ.

— Да вотъ, такъ какъ мой женихъ умеръ отъ болѣзни, а не убитъ, то вашей вины большой теперь ужъ нѣтъ... Я пришла сказать, что теперь въ васъ стрѣлять не стану. А то вотъ...

И она вертѣла револьверомъ предъ М. Д. Скобелевымъ.

— Очень благодаренъ за вашу откровенность; я то же буду откровененъ. Да, не шутите съ оружіемъ,—сказалъ Михаилъ Дмитриевичъ, взявъ изъ ея рукъ револьверъ: — если бы вы успѣли привести въ исполненіе свой замыселъ, то передъ смертью я все-таки успѣлъ бы сказать: какая дура, за что убила невиннаго чело-
вѣка?

Барышня очень сконфузилась и хотѣла взять обратно револьверъ, но Скобелевъ не отдалъ, сказавъ: «еще какой нибудь бѣды надѣлаете», и выпроводилъ ее.

Князь Д. Д. Оболенскій.

